

Никогда не знаешь, какой вопрос вдруг покажется тебе самым важным, и вряд ли сразу поймешь — почему...

Это была самая обыкновенная букашка. Я затруднился бы определить, как она называется, хотя видел точно таких же тысячу раз. Маленькая, терракотовая, уродливая и смешная одновременно. А может, это была не она, а он? Только какая разница. Сможет ли она встать на ножки или нет — вот что было главным!

Букашка лежала на спине и делала настойчивые попытки перевернуться. Она неистово дрыгала тонкими кривыми ножками, рисуя ими замысловатый рисунок отчаяния. Время от времени одна из ножек касалась опоры, и тогда все тельце букашки изгибалось в невероятном порыве. Но все было напрасно.

Что-то с ней было не так. Вероятно, ей пришлось сразиться с более сильным врагом, который покалечил ее и оставил наедине с игривой судьбой. Или она сама упала откуда-нибудь с высоты, отбила все свои неказистые внутренности и теперь страдает от боли и мук, несчастная. А может, ей просто пришло время умереть?

Когда головка букашки поворачивалась в мою сторону, казалось, она смотрит с укором. Уж не я ли виноват в ее бедах? Мне было жаль ее, но думалось, она ошибается.

Странные мысли, странные ощущения... Они почему-то убеждали меня в том, что эта самая букашка я и есть...

Мне тоже было трудно на нее смотреть. Перед глазами стояла какая-то пелена, и мне никак не удавалось ее проморгать. Что может быть проще — провести по глазам рукой! Но по какой-то причине я этого не делал. Желания двигаться были далекими и тонули, как в сладостном сне, из которого не хочется возвращаться. Надо только решиться.

Так. А где мои руки?..

Прежде чем я снова обрел способность рассуждать, я сделал массу открытий. И самым впечатляющим из них оказалось то, что моя голова лежит в луже моей же крови, натекающей из этой самой головы, причем порядочное время назад, так как она уже запеклась. Затылок болел. Руки и ноги тоже болели, но были целы — я их чувствовал. И, похоже, все остальное, если не считать занемевших мышц, было в норме.

Зачем-то я взглянул на букашку. К этому времени моя соседка все-таки обрела свободу. Пошатываясь и вяло, но целеустремленно перебирая ножками, она медленно удалялась в сторону ближайшего вороха листьев. До меня ей не было дела.

Мне, собственно, тоже было не до нее. Собрав в кулак все силы и, кажется, даже порывав от боли, я поднялся и сел. С телом в самом деле все было в порядке, лишь

нешадно ныла голова. Там, на затылке, похоже, была рана, а рядом в траве лежал окровавленный булыжник. Вокруг — тишина. Или это я еще не обрел способности слышать? Окраина городского парка. Осенние листья. Река. Утро. И ни души...

Я попытался встать на ноги, но после пары безуспешных попыток решил эту затею отложить. Голова болела и кружилась, конечности не слушались. Надо было подумать, а в движении это представлялось невозможным. Я пойду, обязательно встану и пойду, это точно. Вот только хотелось бы понять, куда? Что, черт возьми, произошло, и почему я один? Да — один. Ведь нас было трое!

Мысли спотыкались и брели по кругу, как заржавевшие стрелки часов, и это очень мешало сосредоточиться. Одни и те же мысли словно выгоняли из своего круга чужаков. «Трое. Трое. Трое...» — как заведенный думал я, неожиданно забыв смысл этого слова и теряясь в догадках, зачем вообще мне понадобился этот странный набор звуков. Как это неловко ощущать! И все же ситуация постепенно менялась. Прошло какое-то время, и ко мне вернулась память.

Да, нас было трое. Валерка привез меня сюда на своем облезлом «хаммере», развязал и стал избивать, а его бычьего вида шестерка лузгал семечки и скучающим взглядом обзревал окрестности. Боль и обида, злость и чувство бессилия — вот что занимало меня тогда. Валерка наказывал меня за непокорность, а я не мог ему противостоять. Лишь стискивал зубы и, когда после очередного удара мог дышать, огрызался.

Всему бедой была мзда, которую вот уже много лет платили этому борову владельцы гаражей нашего кооператива. Они давно уже были полноправными собственниками, но страх перед очень реальными неприятностями в случае ее неуплаты, подтвержденными жуткими и абсолютно безнаказанными примерами, никак, ну никак не менял ситуации. Дикие «девяностые» словно бы замерли у нас, как уродец в колбе кунсткамеры.

Платил эту мзду и я. До поры до времени. Это время закончилось три месяца назад, когда мы с Леной расстались, и она перестала быть для меня тем, ради кого нельзя было не идти на жертвы. Валерка понял это и решил выбить из меня спесь старым «дедовским» способом, благо ни силы, ни дури, ни жестокости ему было не занимать. Экзекуция началась еще в гаражах, они у нас были соседними...

— Ты дерьмо, — философски рассуждал он между ударами, — тебя даже бить противно. Все люди как люди, а ты... Если я буду резать твою бывшую супружницу, ты ведь даже не поморщишься! Я знаю тебя всю жизнь, Серый, ты всегда был дерьмом. Вот скажи, почему в нашем дворе меня уважают, а тебя презирают? Закрой свой поганый рот!..

Похоже, других дел на этот вечер у Валерки не было, потому что потом меня привезли сюда, и дискуссия продолжилась, так сказать, на пленэре. Дела у меня были, и немало, но постепенно все они отошли на задний план. А главным и почти единственным делом теперь оставалось защитить лицо. Удары были редки, и мне это удавалось.

— Что ты там вякнул? «Но пасаран»? Серый, ты клоун! — казалось, Валерка был в растерянности и уже не знал, что делать со мной дальше. — Имей в виду, если рехнешься всерьез, останешься не нужен даже мне. Давай-ка, решим по-хорошему: или не мути воду, или переписывай на меня гараж и иди на все четыре стороны. Иначе я сделаю из тебя калеку, ты знаешь. Я устал от тебя. Ты мне надоел.

Я что-то сказал ему. Последовал новый удар. А вот что было дальше, я уже не помнил...

Взгляд зацепился за окровавленный булыжник. Мысли снова закрипели. Так вон оно что! Наверняка Валерка посчитал, что я испустил дух. Наверняка подумал, что он к этому причастен, и наверняка решил покинуть парк как можно скорее.

Никто не готов отвечать за то, чего совершить не намеревался. А я пролежал здесь всю ночь... Пора было с этим заканчивать.

Странное дело, досталось мне вчера изрядно, однако тело уже нигде не болело и на нем не оказалось ни царапины. Голову тоже отпустило. Я осторожно пощупал затылок — никакой раны. Все это немало обескуражило и сбilo с толку, но хорошенько задуматься и найти новое решение задачки как-то не получилось. Испытывая слабость в суставах и слегка пошатываясь, я заставил себя подняться и побрел шуршать листьями.

Наш городской парк отличался первозданной девственностью. Со дня его основания, а это знаменательное и торжественное событие произошло еще полвека назад, в нем ничего не построили, не проложили ни одной аллеи и не вмешались в своевольную жизнь ни одного растения. Единственное, что роднило его с цивилизацией — повсеместно дырявый забор и — на входе — монументальная фигура мраморной баскетболистки, на которую было жутко смотреть. В парке страшно было оказаться, причем в любое время суток.

Он был огромен и, наверное, оставался неизведанным сразу для нескольких поколений жителей нашего города. Конечно, мальчишкой я посещал его частенько. Ватаги индейцев регулярно отстаивали здесь свободу от колонизаторов-янки, храбрые красноармейцы яростно «мочили» немецко-фашистских оккупантов, а мужественные первопроходцы открывали необитаемые земли... Но всех закоулков парка не знали ни дети, ни взрослые.

В одном из них я сейчас и находился, за Половинкой. Так, бог весть почему, издавна называлась небольшая речонка, пересекающая парк в дальней его стороне, там, где он незаметно переходил в лесные дебри. И когда кто-нибудь говорил «за Половинкой», подразумевалось то же самое, что «у черта на куличках». Одним словом, райончик был тот еще. И мне неизвестен совсем.

Думая о том, что Мерлин сюда не заехал бы, не будь дороги, я шел и вертел головой во все стороны. Толку от этого было немного — пейзаж оставался однообразен, куда ни смотри: хаос из дикорастущих деревьев, кустов и травы, разноцветные листья повсюду, лужицы в ямках и паутина. Осень, чего уж... Вообще-то осень я любил, одни походы по грибы-ягоды чего стоили!..

Вот как не чертыхнуться на самого себя? Размечтавшись, я чуть не прошел мимо человека, который находился на расстоянии шага. Он стоял и смотрел на меня. Он просто полностью слился с пейзажем, и как я заметил его вообще — удивительно. Я вздрогнул от неожиданности, перевел дух и тоже на него уставился.

Это был совсем нестрашный и ничем не примечательный седенький старичок. Его невысокая фигура была скрыта под чем-то, напоминающим армейскую плащ-палатку, голову элегантно покрывал берет, а в руках — ну как же без этого! — в руках он держал обычную палку, но с таким видом, будто это была фамильная трость. «Бомж, — подумал я. — Из бичей... Этот поможет!»

— Удивительное утро, не правда ли! — вдруг сказал старичок.

Мне показалось, что в углах его рта играет улыбка. Блаженный, что ли? Или издевается?

— Да как сказать, отец, — с сомнением ответил я, — как посмотреть на это...

— В такой день решаются все дела, даже самые трудные.

— Все, говоришь? Это хорошо... А ты уверен, что все?

Старик ответил не сразу. В этот момент откуда-то сзади к нему подбежал белокурый мальчик лет пяти от роду. Он обнял ручками ногу деда, как смог, и прижался щекой к его плащу. Рука старика бережно опустилась на голову мальчика.

— А я не задаю себе вопросов.

«Точно, блаженный», — сделал вывод я. Подумалось, что здесь, вдали от всяких удобств и комфорта, только таким вот изгоям цивилизации и можно выжить, и жить долго, и верить во что-то вечное... Но у меня лично были другие виды на счастье.

— Тогда, может, ты дашь мне ответ? Я хочу выбраться отсюда. Поможешь?

— Ты сам сможешь себе.

Я поморщился от досады.

— Отец, ты прав, ты тысячу раз прав, ты просто кладезь ума, таланта, гениальности и мудрости, ей-богу. Только ответь мне на один очень простой вопрос: в какую сторону отсюда нужно пойти, чтобы добраться до ближайшего телефона?

Старик промолчал, а мальчик вскинул к нему лицо, и они обменялись взглядами. После этого ребенок вдруг достал из своих штанишек мобильник и протянул его мне.

— Вернешь, когда сможешь. А идти тебе нужно вон в ту сторону, — ровным голосом сказал мальчик и как-то совсем не по-детски подбородком указал направление.

«Утро сегодня действительно удивительное», — подумал я и усмехнулся. — Бомжи снабжают мобильной связью! Может, мне стоило попросить у них сразу автомобиль?» Стыдясь, не осталась ли замеченной моя улыбка, я посмотрел на старика. Но он уже отвернулся. Откуда-то издалека я расслышал его последние слова:

— Постарайся успеть, сынок...

Что успеть? Куда успеть? Хрен поймешь этих диогенов!

Я двинулся в указанном направлении, на ходу набирая номер моего друга Павла. Сейчас нужно было позвонить именно ему. Ну а кому ж еще? Верная спутница жизни у меня осталась в прошлом, беспокоить своими проблемами родного отца и сына от первого брака — по разным причинам невозможно, а больше у меня из близких никого и не было. На всем белом свете. Совсем. Сестра? Но она не считается...

Черт, ну и дебри! Ощущение было таким, будто там, впереди, не выход в город, а вход в преисподнюю. Перешагивая через очередную лужу, я поскользнулся и едва не рухнул в нее спиной. И если бы не ряд покосившихся свай, которые можно было разглядеть за зарослями, мне бы точно пришла мысль о том, что старик с пацаном — это былинные лешие, заманивающие доверчивых путников в свое дикое логово.

Паша долго не брал трубку. А когда взял, голос его не излучал радушия... Все ясно. Сейчас утро, мой друг только что вернулся домой с ночной смены (дети заняты собой, жена на работе) и лег отдыхать, а тут его нагло будят. И потом, как ему знать, что беспокою его именно я, если входящий номер ему незнаком. Стоп! С какой смены? Он же только вчера дежурил. Опять график сместился?

— Павел, прости дорогой, у меня не было выбора. Ты мне нужен...

В трубке молчали.

— Пашка, ты слышишь меня? Что молчишь-то?

Я хорошо чувствовал его тяжелое дыхание. Охрип, что ли?

— Паш, не пугай! Ты меня что — не узнал?

А может, все-таки это у меня самого что-то со слухом? Ну, после вчерашнего приключения...

— Мать твою, Айболит! Если ты сейчас не подашь голос, я не подам тебе рюмки на день рождения!

Кажется, это его проняло.

— Д-для ч-чего я т-тебе н-нужен? — заикаясь, спросил Паш.

— Да что с тобой, дружище? Кто тебя там так напугал?.. Ладно, об этом после, если так хочешь. Для начала нам нужно как минимум встретиться, верно?

Ты не мог бы за мной приехать, а то отсюда до города пешком шкандыбать как-то утомительно.

— Отсюда — это откуда? — спросил Паш замогильным голосом.

Меня это уже начало раздражать.

— Да-да, оттуда, откуда ты и подумал. Только, похоже, меня там не ждали и выгнали пожить еще. Но, если ты за мной не приедешь, заберут обратно, это точно. А нахожусь я сейчас в самом конце горпарка, за Половинкой. Поедешь вдоль ограды с южной стороны — встретимся.

— За Половинкой?

— За ней, Паш, за ней... И пожалуйста, постарайся скорее.

Я выбрался на едва различимую грунтовку на границе парка и огляделся. Ну да, город вон в той стороне и пилить до него на своих двоих — часа три, не меньше. Спасибо бомжам, а то бы мне с полдня довелось плутать. Нет, можно было пойти вдоль речки, ведь она и текла куда нужно, хоть извивалась и путалась, как шнур от оргтехники. Но пробираться через заросли вдоль ее берегов — не приведи господь! Проще, наверное, летать научиться.

Я отыскал лужу с более-менее чистой водой и умылся. Так и есть — на голове ни царапины. Откуда же тогда была кровь? Чудеса да и только! Джинсы не порваны, рубашка цела. Лишь ботинки измараны, но это и понятно... Новый осмотр карманов опять же ничего не дал. Или в драке все растерялось, или Валерка их вычистил. Я скорбно вздохнул и побрел по дороге.

Валерка, Валерка, гроза квартала... Интересно, существуют ли где-либо места, в которых не было бы таких вот бультерьеров, держащих в страхе обывателя и живущих за его счет, не считаясь ни с какими законами? Или они неизбежны, как паразиты в природе? Как говорится, вытравишь одного — заведется другой, сильный, наглый, не знающий совести. А люди... они перед ним слабы. Ведь, чтобы поставить такого на место, им нужно сначала победить самих себя.

Я не считал себя героем, просто на днях осознал, что мне нечего терять. С женой разбежались так, что видеть друг друга не хотелось. Детей у нас не было, а мой сын от первого брака жил своей жизнью и считал меня чужим человеком. Сестра, слава богу, жила еще дальше. Отец после инсульта крайне редко возвращался в реальность, и нас с ним уже почти ничего не связывало. Работа последнее время была для меня обузой. И даже к собственным интересам я охладел.

Поэтому когда Валерка в очередной раз напомнил мне о просрочке уплаты mzды и пригрозил самыми суровыми санкциями, я послал его на три буквы. Вот так взял и послал. Геройством здесь и не пахло, мне было просто плевать. На все. Это его и взбесило.

— Я сейчас сделаю из тебя ершик для унитаза! — рявкнул он.

— Отстань, — равнодушно ответил я...

Справедливости ради нужно признать, что Валерка умел быть благородным. И если б не это его качество, вряд ли бы целая когорта старушек нашего околотка поминала его добрым словом при случае и даже в молитвах при церкви. Именно так. Обирая предпринимателей, он непременно выделял некую часть барыша на «социальную помощь» нуждающимся, чем приобрел славу чуть ли не благодетеля. Ну, мы-то знали, зачем он это делал...

В друзьях у Валерки — все местные чины и городовые. Он непотопляем, как айсберг, хитер, как лис, и опасен, как всякий дурак. В квартале относительный порядок и стабильность — что еще нужно и власти и народу? А ведь много лет назад, когда мы с ним ходили в одну группу детского сада, он совал мне в карманы конфеты в обмен на молчание о том, что писается в штаны. Я помнил об этом. Он, видимо, тоже...

Солнце совсем уже взошло, и лес наполнялся звуками. Грунтовка становилась все более проходимой, а ограда парка — целей. Идти было веселее. Времени я не засекал, но по ощущениям, с тех пор, как я вышел на дорогу, прошло уже около получаса. Интересно, как скоро Паш обрадует меня своим появлением? Что-то он был не в себе... И не придется ли наша встреча на площадку у самой баскетбольной? В таком случае идти мне еще и идти...

Пашка, добрейшей души человек, он придет за мной обязательно. Мы вместе служили срочную, где впервые и познакомились. Будучи в салагах, я заработал наряд вне очереди и получил задание выкопать яму, как водится, «отсюда и до обеда». Зачем и кому это было нужно — одному богу известно. Но куда ж деваться? Тоска погоняла усталость, и весь свет был не мил. А Паш подошел и так это очень по-простому предложил:

— Тебе помочь?

С тех пор мы и стали друзьями. Мой новый знакомый отличался невообразимым бескорыстием, делился всем, что имел, и помогал всем и вся. Именно там, в серых и скучных стенах казармы, к нему прикипела кличка Айболит. К медицине она не имела никакого отношения, люди просто знали, кто в случае чего придет к ним на помощь первым. А то и единственным.

Паш — так называет его жена Вера, а за ней и я. Друг в дружке они души не чают и вот уже много лет являют собой удивительный пример семейного счастья, несмотря на то что живут совсем, совсем небогато. И дети их, почти погодки, мальчик и девочка, хоть не бывали в столицах, не едят устриц и не носят эксклюзив, выглядят вполне довольными жизнью. Я обожаю быть у них в гостях. Правда, не делал этого уже давненько. Все как-то не до того в последнее время...

Здраво рассудить, так мне в последнее время вообще было ни до чего. Надорвался, что ли. Жизнь подошла к какому-то пределу, за которым — пустота и полное безразличие. Ничего не хотелось, ничего не интересовало, и почти ничего не трогало душу. Кризис возраста — говорил внутренний голос. А мне даже лень ему возражать. Те, кому нужен был я, обошлись, а те, кто нужен был мне, увлечены другими. Чувство было таким, что мне некуда больше идти и не к чему стремиться, что я пожил свое, что хватил.

Минувшего лета я вообще не помню. Три месяца прошли как один день, похожие, тусклые, никакие. Я ходил на работу, как заведенный болванчик, совершая однообразные действия, по тысяче раз на дню гоняя в своей голове одни и те же мысли. А сейчас... Курортный сезон позади, загорелый и отдохнувший народ возвратился с морей, и меня с радостью выгнали в отпуск, чтобы своей кислой физиономией не мозолил глаза и не портил никому настроение.

В гараже у меня пребывали печь, гончарный круг, «кобылка», стеки — все, что угодно, кроме машины, и все в запущенном состоянии. Это раньше я увлекался лепкой и, что ни день, изобретал новые способы угодить редкие пожелания трудящихся и собственное воображение. Потом творческий азарт сузился до бесконечного создания одного единственного барельефа, а потом и вовсе сошел на нет. То же самое случилось и с рисунками...

Несколько лет назад машина у меня еще была. Японочка, не первой свежести, но своенравная настолько, будто я у ней первый мужчина... водитель. Достала она меня своими капризами хуже некуда. В конце концов я не хотел уже слышать ни о какой электронике и, завидуя трактористам, продал ее. А новой так и не купил. В отличие от Паши, который еще на заре семейной жизни приобрел старенький «Москвич-412» и, на удивление всем, не зная горя, ездит на нем до сих пор.

А вот и она, машина Павла! Я радостно помахал рукой и пошел быстрее навстречу. Меня удивило, что Паш вдруг затормозил и стал катиться ко мне все

медленнее и медленнее, а когда между нами оставалось метров двадцать, он и вовсе остановился. Но двигатель не заглушил. Чудак-человек! Что он хочет этим сказать — что не узнает, что ли? Я усмехнулся и запрыгнул на пассажирское сиденье рядом с ним.

Таким я его уже забыл, когда видел. Паш был бледен, как мумия. Не поворачивая головы и не двигаясь, он смотрел вперед, как если бы был под гипнозом. Я сразу потерял желание шутить и радоваться нашей встрече и, озадаченный, тревожно смотрел на него. Так прошло с минуту. Но лишь только я откинул челюсть, чтобы хоть что-нибудь произнести, Паш резко нажал на педаль газа...

Сказать, что на нем не было лица — ничего не сказать. Всю дорогу, пока мы ехали в город, он держался за руль мертвой хваткой и вообще не мигал. У меня сложилось ощущение, что он избегал смотреть в мою сторону. А когда это все-таки происходило, я видел в его глазах ужас. Беспокойство охватило меня настолько, что я сам не мог разомкнуть рта.

— Паш, ты ничего не хочешь мне сказать? — спросил я, когда наше безмолвие затянулось до безумия.

— А ты? — спросил он, словно сглотнул целиком яблоко.

Вот те раз.

— Я-то, может, и хочу! Но ты выглядишь так, будто только что из морга.

— Я???

Паш резко затормозил. Я стукнулся лбом о переднее стекло и не сразу заметил, что он выскочил из машины. Это было слишком впечатляюще, чтобы я тотчас нашелся, как повести себя дальше. Я просто сидел на месте и наблюдал за ним. Пребывая явно не в себе, мой друг сделал несколько рефлекторных, непонятных движений. Потом он походил туда-сюда мимо машины, вроде бы как успокоился, бросил на меня пару пламенных взглядов, вернулся в салон, и мы все-таки поехали.

Некоторое время снова молчали.

— Как дома, как сам? — осторожно начал я, уже боясь сказать лишнее.

Паш неожиданно расслабился и даже откинулся на спинку кресла. Но руль держал так же цепко, как и раньше. У него был вид человека, который только что принял важное решение.

— Ничего. Все нормалек.

— Ты сегодня со смены? Я разбудил тебя?

— Ну и что? Ерунда...

— Дети как?

— Да что с ними может быть!

— А Вера — у нее все в порядке?

— Да, все хорошо. Не переживай.

— А что бабушка — ей получше?

— Давление, как всегда...

Эта беседа могла быть вечной. Я не нашелся, что спросить еще и замаялся, а Паш вздохнул с облегчением. Да что ж с ним такое?! Последующие минуты мы опять ехали молча. Теряясь в догадках о причинах поведения друга, я разглядывал улицу и медленно закипал. Точнее, мысленно лил на себя холодную воду, чтобы не вскипеть окончательно.

Мы уже ехали по безлюдному городу. Обычное утро, редкие прохожие идут по своим делам. Сегодня же суббота, выходной! Меня вдруг посетило чувство нереальности происходящего. Будто все, что сейчас происходит, — это сон или плод нездорового воображения. Будто все, что я вижу, как-то приподнято, воздушно и невесомо. Невероятные ощущения! Впрочем, вид за окном довольно быстро и привел меня в себя.

Когда проезжали центр, на глаза попалась одна из новостроек, в которой жила Лена, моя жена. Теперь уже бывшая, хоть мы еще не развелись. Квартира у нее — мечта! Удивительное дело, в наше время еще есть предприятия, обеспечивающие своих работников жильем. Правда, выкупать ей его предстоит еще очень долго. А ведь работает она не боссом в высоком кабинете, обычной служащей на железной дороге. Чудеса.

Вообще наш город не назвать маленьким, и застраивается он в последнее время семимильными шагами. Откуда только средства берутся, если народ в своей массе копейки считает? Может, как раз «оттуда»? Вон, впереди — громады торгового центра и банка, за ними — шикарный небоскреб государственных учреждений, а еще дальше — элитные коттеджи для работников этих учреждений. Лучше бы городской парк облагородили, честное слово. Глядишь, и люди бы спасибо сказали...

Я проживал на окраине города, в обычном «спальном» микрорайоне. Здесь тоже активно велось строительство, но оно не особенно радовало. Новые «коробки» росли, как грибы, толкая друг друга и закрывая со всех сторон солнце. Какая радость жить в муравейнике, если ты не муравей? Когда Лена приезжала ко мне в последнее время, она тускнела от одной мысли, что ей предстоит здесь задержаться. А я... впрочем, все чаще меня это раздражало...

За квартал до места моего обитания Паш неожиданно свернул в чужой двор и остановил машину у пустынной детской площадки. Я вопрошительно взглянул на него.

— Ты уверен, что тебе надо домой? — спросил Паш, наконец повернувшись и уже не пряча взгляд.

— А ты хочешь мне предложить баньку, девочек, шашлычок?

Паш скривился и отвернулся.

— Слушай, ну прости. Я разбудил тебя, загрузил, вынудил куда-то ехать... Но ведь в последнее время я не часто тебя дергаю, согласишься. Так получилось! Неужели, окажись на моем месте, ты позвонил бы не другу, а кому-то другому?

Я коснулся его руки. Паш вздрогнул. Казалось, он хотел отдернуть ее, но сдержался.

— Окажись я на твоем месте?

— Да.

— Дело не в этом, Серега.

— А в чем?

— Тебе нельзя домой.

— Опаньки...

Я оторопело вскинул брови и повел головой. Мимо бокового окна машины проходила старушка с авоськой — она взглянула на меня, округлила глаза, перекрестилась и торопливо засемила в сторонку.

— Паш, тебе не кажется, что мы выглядим глупо?

— Не кажется. Я в этом уверен.

— Тогда, раз уж мы единодушны, давай вдвоем и попробуем стать хоть чуточку умнее. А для начала скажи мне, пожалуйста, что у тебя произошло? Почему я чувствую себя идиотом? И по какой такой причине мне вдруг нельзя идти в собственную хату?

— Ты прав, — сказал он, подумав. — Хорошо. Только мы сделаем это вместе. Паш решительно повернул ключ в замке зажигания.

— Что именно?

— Пойдем к тебе. Там и поговорим...

Ну, там так там. Лишь бы закончились эти непонятки. Давая знать, что согласен, я просто пожал плечами и снова уставился в окно. В конце концов мой

друг имеет право вести себя так, как хочет. Чего я к нему пристал? У Паша не было от меня секретов, а сейчас, видимо, случилось что-то из ряда вон. Я не должен на него давить. Хотя, конечно, странно, что он даже не поинтересовался, с какой это стати я оказался утром в парке, причем аж за Половинкой. Очень странно.

Давным-давно, в пору бестолкового восторга по поводу возвращения на «гражданку», я крупно попал. В качестве «дембеля», чрезвычайно голодного до женской ласки, я был частым гостем в общежитии девчат-студенток. А в один из дней напился так, что устроил дебош. Позор был — не передать. Уже и сами девушки меня простили, а я от стыда не находил себе места и на все вопросы родных и близких молчал, как рыба. Айболит вытянул из меня всю правду. Только он и сумел это сделать...

Показался мой дом. Вместе с соседней «хрущёвкой», такой же старой, невзрачной, со следами видимости недавнего фиктивно-капитального ремонта он образовывал угол, как будто отгораживающий обитателей этого маленького мирка от всего остального мира. В самом углу между домами, на стыке, имелась щель, через которую протискивались те, кто не хотел идти в обход. Их куртками и шубами примыкающие стены были отполированы до блеска.

Все было как обычно — двор в этот час был почти пуст. Он, собственно, никогда и не выглядел оживленным. На моей памяти почти все местные жители могли увидеть друг друга одновременно лишь однажды, когда протестовали перед каким-то большим чином из мэрии, пытавшимся уверить их в том, что перед нашими домами нужно построить еще один, высотный. Чин этот, помнится, ретировался без галстука и пуговиц на пиджаке...

Сейчас здесь было совсем тихо и безлюдно. Даже голуби и воробьи куда-то подевались. Единственное движение, которое могло ненадолго привлечь взгляд, производило существо неопределенного пола и возраста, одетое так же не пойми во что. Будучи в весьма нетрезвом состоянии, оно безуспешно пыталось взгромоздиться на скамейку, но каждый раз переваливалось через нее и оказывалось на обратной стороне. Этот цирковой процесс, надо полагать, длился уже долго.

Паш остановил машину у самого подъезда, прямо под окнами моей квартиры. Он перегнулся назад, достал из кармана в спинке своего кресла бейсболку и протянул ее мне.

— Надень, — твердо сказал он.

— Зачем?

— Так надо, Сергей. Поверь, так будет лучше.

По-своему уже притерпевшись к его нынешним странностям, я махнул рукой и не стал возражать. Подумаешь, бейсболка! Да нет проблем! Да хоть две сразу, а то и дюжину, лишь бы ты, дружище, поскорее разморозился и посвятил меня в свои тайны! Она, бейсболка, немного большеватая, правда, но ничего, сойдет. Если нужно, я даже могу проникнуть в дом короткими перебежками и по-пластунски тоже — а что? Прямо по ступенькам... Всего этого вслух я, конечно же, не сказал.

Мы оставили машину, вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. Никто нам не встретился, но Паш, я видел, заметно дергался по этому поводу. Небольшая заминка вышла уже у дверей в квартиру, ведь за исключением телефона, позайствованного у странноватых доброжелателей из городского парка, мои карманы были совершенно пусты. Но в этом не было беды — испокон веков у Паша имелся ключ от моих пенатов.

Я открыл дверь и вошел первым...

И ничего страшного не произошло. Внутри явно никого не было, не видно признаков ни пожара, ни потопа, ни грабежа. А чего еще можно было всерьез опасаться-то? Я обернулся к Пашу, демонстративно саркастически усмехнулся и пошел вперед. Он тоже переступил порог квартиры. Краем глаза я все-таки уловил в прихожей какую-то несурзность, но через мгновение мне уже было не до нее.

На столе в гостиной стояла моя фотография в рамке с черным уголком!!!

В сознании бесшумно вспыхнула ослепительная хлопущка. Перед глазами все куда-то поплыло, и я перестал чувствовать ноги. Если бы не Айболит... Он подхватил меня сзади и опустил на диван.

Следующий более-менее отчетливый кадр — он протягивает мне кружку с водой.

Следующий — я смотрю на полупустую кружку, которую он вынимает у меня из руки.

Следующий — моя рука падает...

Потом я стал оживать.

Когда я окончательно пришел в себя, меня разобрал смех. Разумеется, он был истерическим. Идиотское состояние! Хотелось всего лишь улыбнуться, а меня ломало в конвульсиях так, словно кто-то напрочь выключил мою волю и забавлялся тем, что я не могу с собой ничего поделать. Ощущая адскую боль при каждом вздохе, я хохотал навзрыд... Потом закончилось и это.

Паш стоял у окна, виновато поглядывал в мою сторону и, судя по всему, чувствовал себя не лучше моего. Было его даже немного жаль. Но, извините, мне сейчас как-то не до сантиментов.

— Павел, кто автор этого перформанса?

— Ты.

— Я не облачал свое фото в траур.

— Ты... дал повод, чтобы это сделали.

— Повод? Хорошо. И кто же это сделал?

— Лена.

— Зачем?

— Затем, что ты... умер.

Я попытался улыбнуться, но не получилось. И почему-то увидел себя со стороны, с этой самой замершей на физиономии, абсолютно дурацкой полуулыбкой. Получился кретин кретином. Просто-таки классика кретинизма!

— Умер?

— Да.

— Совсем?

— Совсем.

— Насмерть?

— Точно.

— Я?

— Ну да.

Повторялась та же схема общения, что произошла недавно в автомобиле... Я поднялся с дивана, засунул кулаки в узкие карманы джинсов и пару раз прошелся по комнате. Подошел к столу, взял в руки «себя» в рамке, подержал-посмотрел и поставил обратно. Паш не спускал с меня глаз.

— Ладно. Все это меня впечатлило, ты видел. Это и вправду вышло неожиданно... А как я должен себя вести теперь, чтобы ты наконец расслабился?

— Исчезнуть.

— Что?

Паш мгновенно замялся, как ребенок, покраснел, заметался там, у окна, где стоял, и суетливо заговорил:

— Пойми, я только ответил на твой вопрос прямо, как есть. Просто... твой звонок, твое появление — так не бывает. Так не должно быть! Все это слишком... ненормально, что ли... Прости, я не это хотел сказать...

Я сложил руки на груди и подошел к нему. Смотрел на него в упор и ждал продолжения.

— Ну, в общем... — он снова замялся, помотал головой и выпалил, как бросил вызов: — Я думал, что тебя уже нет.

— А сейчас как думаешь?

— Я... не знаю.

— Хорошенькое дело! Я стою перед тобой, живой и здоровый, задаю вопросы, а ты видишь меня, отвечаешь, можешь потрогать даже, и все-таки сомневаешься, есть я или нет?

— Да.

Паш всегда был со мной искренен и честен до безобразия и верил мне больше, чем я ему. Сейчас все было шиворот-навыворот.

— Паш, что случилось? — спросил я, глядя ему прямо в глаза.

— Я видел тебя мертвым, — едва слышно сказал он.

— Это точно был я?

— Да... к-кажется.

— Где это было?

— В морге.

— Может, ты ошибся?

— Н-нет.

— А зачем ты туда поехал?

— На опознание тела.

— И что ты там увидел?

— Т-тебя. Лена тоже тебя опознала.

— Лена?

— Ну да. Мы были там вместе. Вернее, пригласили ее, но ей нельзя было одной, ты понимаешь...

— И вы там увидели кого-то, очень похожего на меня?

Паш многозначительно промолчал.

— А я... ну, точнее, тот, кого вы увидели, какой он был?

— Да точно такой же! — взорвался он. — Один в один! Вот в этой самой рубашке и в этих джинсах. Только голова у тебя была разбита. И ты был мертв!

— Голова...

Я медленно развернулся и отошел. Вспомнился булыжник. Рука непроизвольно потянулась к затылку, а память отчетливо восстановила картинку места, где я пришел в себя. Ну да, это вроде бы было. Только ведь голова осталась цела. Да и я сам — вот он, цел и невредим, кожу, и говорю, и, между прочим, преспокойно думаю. И ни в какой морг меня не возили. И, надо полагать, обратно из него назад на поляну не возвращали. Чушь какая-то!

— Тебя обнаружил грибник, — заговорил Паш. — Потом были менты, и все такое... При тебе нашли мобильник, по нему и выяснили, что да кто. Лена позволила мне... В общем, вчера полдня мы были с ней вместе, и Вера тоже. Помогли с ритуальщиками. А потом я поехал на смену...

— Вчера?

Паш подошел ко мне и осторожно тронул плечо.

— Серега, прости. Но я и в самом деле ничего не понимаю. Я ведь все это... своими глазами... Ты мне веришь?

Я повернулся к нему и кивнул. Паш выдохнул.

— А теперь послушай меня, — сказал я. — Вчера вечером я торчал в гараже. Заявился паскуда Валерка и стал требовать свои вшивые тугрики. Я послал его подальше. Мы сцепились. С ним еще один тип был, из его швали. Потом они вывезли меня в горпарк, за Половинку. Там Валерка выдвинул мне ультиматум и опять начал махать руками. Потом я упал и, что было дальше, не помню... А утром я очнулся, выбрался к бомжам и позвонил своему другу, который утверждает, что меня уже нет. Как тебе это?

Паш помолчал.

— Вот я и говорю, — сказал он, сглотнув, — чепуха какая-то. Только вчера я не видел тебя... живым. И не я один.

— Как не видел? А утром? Утром мы же с тобой встречались, помнишь? Я же помогал тебе паять днище твоего студебекера!

— Сергей, это было позавчера...

Мы смотрели друг на друга и оба чувствовали себя идиотами. А когда у него зазвонил телефон, оба и вздрогнули. Паш неуверенно оторвал от меня взгляд и перевел его на дисплей.

— Вера.

Я плюхнулся на диван и дал понять, что мне очень интересно, о чем он сейчас будет разговаривать. Это было в высшей степени нетактично, но мой друг должен был догадаться, что сейчас вести себя по-другому я не могу. Он осторожно нажал на кнопку и приложил мобильник к уху.

— Да. Привет, Веруся. Нормально. Да нет, все хорошо. Поспал. Позавтракал, конечно. Ничего не случилось, тебе показалось. А, нет, я не дома. Да так, поехал по делам. Ну и что, что воскресенье! Что? Лена? Нет, она пока не звонила. Привезешь на поминки овощи? Скажу. А вы когда вернетесь? К вечеру? Хорошо. То есть я хотел сказать, что уже скучаю. Умница, люблю тебя. И детишек тоже, передай им. Пока.

Паш отключил телефон и вопросительно взглянул на меня. Да слышал я, слышал! И про воскресенье, и про поминки — все слышал. Ну и дела... Получалось, что я провалялся в парке не одну ночь, а две, как минимум. И что между ними, днем, меня успели отвезти в морг, признать мертвым и приготовить к похоронам. А я каким-то чудесным образом возвращаюсь на место своей гибели и, как ни в чем не бывало, воскресаю. Весело.

Я хлопнул рукой по коленке и поднялся.

— Так. Ты «на руле», тебе нельзя, а я себе что-нибудь налью. Имею право, черт возьми.

И пошел на кухню. Только теперь я понял, что насторожило меня в прихожей: зеркало на вешалке было завешено покрывалом. В ванной тоже — я заглянул и туда. И в спальне. Пашка прав, меня считают почившим. Меня вычеркнули из списков, уже заказали гроб и памятник, готовят овощи на поминки... Нет, это точно сведет с ума. Нужно срочно выпить!

Я полез в холодильник и достал бутылку беленькой, которая стояла там с прошлых выходных. Она была куплена в качестве презента алкашу-соседу за его лояльность к моим музыкальным пристрастиям. Соседа с тех пор я так и не видел. Наверное, опять в алкогольной нирване. Ну, так и бог с ним, мне оно сейчас нужнее.

Бутылка оказалась слегка початой. Лена — кому ж еще. Она и похозяйничала здесь изрядно, следы ее пребывания на кухне были заметны во всем. Моя бывшая супружница — аккуратистка, каких поискать. Когда-то меня это забавляло, потом

стало изрядно раздражать, а сейчас, с полгода уже, мне от этого ни холодно, ни жарко. Какая на самом деле разница, где лежит ложка — в лотке «для ложек» или в соседнем, среди вилок? Вот проблема-то!

Еще на заре совместной жизни она купила нам новую подставку для зубных щеток, в которой зачем-то было несколько отверстий — «зато красивая»! Если я ошибался и вставлял свою щетку не в раз и навсегда определенное место, Лена с удивительной настойчивостью всегда переставляла ее куда надо. Было время, когда я нарочно возвращал ее обратно или менял местами обе. Смешно вспомнить, это являлось причиной скандала.

А сейчас... сейчас она полностью прибралась, чего не делала уже очень давно. Весной мы еще встречались, но уже тогда, приходя ко мне, Лена словно забывала о своих привычках и вспоминала о них лишь после того, как я, утомленный от близости, не мог и не желал пошевелить пальцем. У ней же, напротив, словно включалась батарейка — свой порядок она наводила мгновенно. Но это происходило скорее на автомате, пыл был уже совсем не тот...

Я не стал церемониться и налил себе сразу стакан. И выпил залпом. Ни закусывать, ни занюхивать не пришлось — ощущение было таким, что я выпил воду. Да оно и неудивительно. После того, что выяснилось сегодня, меня бы, как пить дать, и вся бутылка не проняла. Не каждый день узнаешь, что тебе готовят могилу...

И все-таки, как понять, что произошло? Ну не бывает так! Если Паш не врет и не притворяется, а меня он не обманывал никогда, можно представить, что он пережил на самом деле. Окажись я на его месте, вообще бы рехнулся. А если прав я, где логика событий, в которых я сейчас участвую? Может, мне вообще все это снится? Может, мне досталось вчера так, что я не помню, как вернулся домой, а сейчас лежу себе в постели и наслаждаюсь бредом?

Я решительно встал и направился из кухни. По пути снова заглянул в спальню. Так и есть — на трюмо простыня. А под ней свитер, который Лена взялась вязать моему отцу лет уже пять назад, да так до сих пор и не закончила. Кровать аккуратно застелена, но с одного края примята, выдавая четкие контуры того, кто на ней лежал. Сознание произвольно и очень явственно нарисовало картину вчерашнего: Лена, она была здесь, прилегла на «свое» место, лицом к моему...

Мой друг, абсолютно реальный, сидел в кресле у телевизора. Молодец, он дал мне время осмыслить ситуацию в одиночестве, не мешал. Когда я вошел в гостиную, он поднял голову и посмотрел на меня беспомощным взглядом. Бедняга, он до сих пор не может прийти в себя. Я присел на диван рядом. Услышал:

— Что будем делать, Сергей?

— А нужно что-то делать? — как-то безмятежно переспросил я.

— Я сейчас поеду в морг.

— Сильный ход. Не проще ли туда позвонить?

— Нет. Я должен сам убедиться...

— Паш, представляешь, мне сейчас приходило на ум, что и ты, и все это, ну, что с нами сегодня было, и о чем мы друг другу только что рассказывали, просто снится.

— Мне тоже. Я даже проколол себе руку иглой, — он вытянул руку, показал красную точку на запястье и слабо улыбнулся.

— Ну и как?

— Больно.

— Расскажи мне про вчера.

— Я же уже... Снова?

— Нет, про Лену. Как она была здесь.

— Зачем? Разве, пока мы оба в прострации, это так важно?

— Почему-то мне кажется, что сейчас многое важно. И я не знаю, что именно.

— Наверное, ты прав, — сказал он, подумав. — Так бывает, когда «сейчас» заменяет «всегда».

— У тебя разве так было?

— У всех так бывает... Мне было пятнадцать, когда умирала мама. Я сидел у изголовья и смотрел на нее, а она на меня. Как-то так получилось, что в тот момент рядом никого больше не оказалось. То ли посчитали, что я уже не ребенок и справлюсь, то ли действительно чем занимались, не важно. В общем, мы были одни. Из меня текли слезы, а она едва улыбалась...

— Паш, не надо.

— Мама не могла уже говорить и беседовала со мной глазами, я знал это и видел. Я ее слышал! А сам, кажется, не мог сказать ничего. Я как будто всем, чем мог, цеплялся за время и просил его остановиться, не двигаться, мне его не хватало. Это было похоже на жажду. Мама говорила мне обо мне, о себе, о жизни, а я все никак не мог послушаться ее и боялся, что упущу что-то главное. Слезы мешали мне, я был в отчаянии!

— Паша!

— Она умерла сразу, как только меня увели...

— Ты не рассказывал мне об этом.

— Ты не спрашивал.

Я не мог поднять головы.

— Прости. Я хреновый друг.

— Брось, Сергей. Мне всегда было с тобой хорошо.

— Хреновый!

— Вот только этого не надо, ладно? Мне лучше знать.

Я понял — мои нервы сдали. Нога во что-то уткнулась, и я заметил бутылку, стоящую передо мной прямо на полу. Неужели притащил ее сюда из кухни? А раз так, то кстати! Я схватил ее и сделал два больших глотка прямо из горла. Водка снова прошла как вода... Паш вырвал ее из моей руки и убрал на тумбочку.

— Так что там про Лену? — вырвалось из меня.

Он взглянул на свое запястье.

— После того как... В общем, после опознания мы приехали с ней сюда. Потом подошла Вера, мы заранее договорились. И еще одна была, с железной дороги, подруга, что ли, я видел ее впервые. Лена держалась и все больше молчала. Девочки не отходили от нее. Они тут суетились, помогали, вымывали, ну, ты сам видишь... Я не особенно все и помню, сидел как истукан, мешался им... Потом Лена сорвалась, сказала про тебя что-то эмоциональное...

— Просто сказала?

— Ну, нет, конечно. Это был взрыв. Ну, мол, что ты, подлец, нашел способ, как поставить в их отношениях точку и сделать ей и больше, и легче одновременно. Девочки дали ей выпить немножко. Потом она ушла в спальню, легла, тихо плакала и звала тебя. Это было так... невыносимо... А потом уснула. Мы не тревожили ее. Ну а уже после мы съездили в ритуальную контору... Вечером я отвез ее с подругой домой... Я не знаю, что тебе рассказать еще.

Мне и не требовалось ничего больше. На душе было так, будто ее вывернуло наизнанку. Нельзя сказать, чего мне хотелось сейчас больше: выскочить на улицу и прокричать на весь свет, что готов к самой суровой казни, или, наоборот, спрятаться под диван, зажмурить глаза и молить небеса, чтобы меня оставили в покое. И что немаловажно, между этими моделями поведения я не видел почти никакой разницы.

Паш пресек мое бессознательное поползновение пойти куда глаза глядят. Возвращаясь в реальность, я услышал издали его тревожное:

— Посмотри на меня, посмотри!

Пашка, Пашка-Айболит... Знать бы тебе, как ты мне сейчас дорог!

— Слушай, Серега. Может, нам сейчас не нужно расставаться? Ты вон слаб, как дистрофик, хоть и хорохоришься. Как мне тебя оставить? Да и сам я далек от кондиции. К тому же, если честно, я не совсем уверен, что, уехав, увижу потом тебя снова... живым...

— А какие у нас варианты?

Мы оба задумались. Вариантов не было.

— Заглянуть к Валерке? — неуверенно спросил я. — Он мог бы кое-что прояснить.

— Вряд ли. Наверняка замел там все следы и удрал быстрее ветра, чтобы не оказаться причастным. Я его не видел, но сдается, сидит он сейчас ниже травы, тише воды. И в гаражах все, кто оказался свидетелем ваших вечерних разборок, обработаны им как надо. Между прочим, вся округа в курсе, что тебя уже нет. Представляешь, что будет, если ты покажешься?

— Так что ж мне теперь по-настоящему сдохнуть?! — вспыхнул я.

— Прости. Я не то имел в виду, а ты не понял.

— А что ты имел в виду?

— Угомонись, Серега. Куча народа знает, что ты помер. Завтра твои похороны. Тебе нельзя сейчас просто так взять и объявиться. Нельзя. Разобраться сначала нужно, понимаешь? Менты ведь даже дело не стали возбуждать.

— А почему?

— А потому! От тебя спиртом несло, когда нашли, будто ты в нем купался! Объяснили, что ушел в отрыв, как это бывает, забрел, куда ноги несли, упал, разбил себе голову... А на следы побоев глаза закрыли. Кто докажет, что они сделаны как раз в тот вечер и в том же месте?

— Но я не пил! И в гараж пошел, чтобы поработать... Я ж вообще почти не пью — ты же знаешь!

— Вот и я оперу об этом сказал. Мол, странно, что за ночь не выветрилось. Мол, не побывал ли там кто утром специально, чтобы подрисовать картинку, так сказать, в нужном цвете. Он только рукой махнул. Сказал, что для этого требуются свидетельства с места происшествия о пребывании третьих лиц. А там, кроме свежих следов от сапогов грибника, ничего и не было.

— Не может быть. Валерка привез меня на своем «хаммере».

— А ты уверен, что после всего, что случилось, он не перенес тебя на другое место, подальше?

— Вместе с бульжником?

Паш только рукой махнул.

— Ладно, проехали.

Я прошелся по комнате.

— Скажи, а кто, кроме местных, еще в курсе, что я... что меня нет?

— Да все. Округа, конечно. Народное радио, сам знаешь, работает будь здоров. Куда надо, звонили... Я только отцу твоему не стал говорить об этом, ну, ты знаешь, почему. Галине, сиделке, сказал, она все поняла... Да, и еще сына твоего не оповестили. Оказалось, что никто не знает, как его найти. Вы же не общаетесь. Помню, что он в институте учится, а в каком — где ж искать?

— Ну да...

Паш поднялся.

— В общем, так. Не будем терять время. Я сейчас поеду в морг и...

— И?

— Я должен это сделать!

— А если я там... лежу? — ухмыльнулся я.

Паш скривился, глаза его забегали. Я почувствовал себя последним мерзавцем.

— Да. Ты прав. Езжай. Надеюсь, ты мне позвонишь сразу же.

— Позвоню. Только ты постарайся никуда не выходить, хорошо?

— Боишься, что мое воскресение увеличит количество пациентов психбольниц?

— Я боюсь за тебя, Сергей.

— Что со мной может случиться? Я теперь, можно сказать, возрожденный. У меня иммунитет к смерти и жажда жить вечно.

— Шутишь?

— Шучу.

— Твои ключи на обувнице.

Паш обошел меня и направился в прихожую.

— А документы и мобильник у Лены, — сказал он уже оттуда. — Не теряй тот, что есть. Я позвоню.

Хлопнула входная дверь.

И наступила тишина. Такая тишина, что воздух шуршал, казалось. Я закрыл уши руками и сильно надавил. Сильнее, еще сильнее... Вроде бы стало легче, но ненадолго. Эта тишина сравнялась с пустотой, которую я ощущал вокруг себя. Все в комнате было пустотой, тем, что не имеет ни веса, ни цвета, ни запаха. Меня окружало пустое серое пространство, исчерченное рисунком ничего не означающих линий. Где я? Что я тут делаю?

Понадобилось усилие воли, чтобы сосредоточиться. Контуры стали яснее. Стол, диван, телевизор, что-то возле него... Я протянул руку, нащупал бутылку и опрокинул ее содержимое в себя. Стало еще легче. Надо же, зрение еще вводило в заблуждение, а сознание работало вовсю. И первой мыслью, что его заняла, было удивление. Ведь сколько я уже выпил, а не пьянею!

Вообще с алкоголем у меня прохладные отношения. Когда-то в юности бывали времена — увлекался. По большей части к хорошему это приводило редко. Да и последующее состояние мне не нравилось. Товарищи советовали похмелиться, но я никогда этого не делал. С годами стал куда сдержаннее. К тому же чаще всего от объема и крепости выпитого напрямую зависело, насколько быстро я захочу в люльку. Кому ж из приятелей такое понравится? А в последнее время я вообще был к нему равнодушен. Так, иногда, по случаю...

А задумка Валерки хороша. Надо предположить, когда он увидел меня с разбитой головой и не подающим признаки жизни, наверняка сильно испугался. И действительно, самым лучшим способом отвести от себя подозрения было перетащить меня на другое место. И да, вместе с булыжником. А ближе к утру послать туда кого-нибудь с торжественной миссией окропить меня спиртом с головы до ног. Стратег!

Ну, ничего, мы с ним еще встретимся. Надо только встречу хорошенько продумать. Разработать план и поставить этого зарвавшегося наполеончика на место. Странно, что раньше эта мысль не приходила мне в голову, и я терпел все его выходы или не обращал на них внимания. Чего ждал? Пока он меня не... убьет? Как там говорили древние? Всему свое время? Наверное, все-таки это время наступило.

На бой идут чистым и в чистом — полушутя-полусерьезно подумалось мне. Но если со вторым было более-менее в порядке, то с первым как-то уж совсем неважно. Осознание этого факта заставило меня решительно подняться и отправиться в ванную. На протяжении последующего доброго получаса вода, мочалка и мыло были моими лучшими друзьями...

Под душем неплохо думается — я этим воспользовался. Поэтому, когда вышел из него, пошел напрямик за своим компьютером. У меня был нетбук, по ны-

нешним, скачущим галопом, стандартам уже несолидный и старенький, но дело свое он знал хорошо и устраивал полностью. По правде говоря, он был мне и не особенно нужен. Как правило, я его открывал только для того, чтобы уgomонить свои страсти в интернете или просто наиграться до одури в какой-нибудь квест. Впрочем, это было нечасто.

Я приобрел его в один из «ледниковых периодов», когда мы с Леной в очередной раз разбежались. А когда снова сбежались, он почему-то попадался ей на глаза везде, куда бы я его ни убирал, и даже послужил поводом для пары очередных скандалов. Из тех, что возникают на пустом месте. Это, конечно, моя точка зрения — спросить ее, так я был кругом виноват... Зато однажды она предложила купить мне новый, мощней и солидней, и даже сама его выбрала. И очень расстроилась, что я отказался. Фиг ее поймешь!

Интернет работал, и это было главное. Я сразу полез в электронную почту. Входящих писем нет, но это и не удивляет. Кому мне писать? Те редкие контакты, которые я когда-либо заводил, неизменно и скоро прекращались, так как люди понимали, что мне нет до них дела. Я не вел дневников, на чатах-форумах не горланил, «друзб» не заводил и интересовался чужим фото только в том случае, если на нем красовалась полураздетая девица. Наверное, я самый скучный собеседник.

Мой сын был «он-лайн», и это обстоятельство безусловно обрадовало. Вообще, Димка — как говорят, продвинутый пользователь. Зеленый маркер, означающий его присутствие в сети, заходя на почту, я видел почти всегда. Только писал ему лишь раз в год. Чтобы поздравить с днем рождения... Но сейчас был не тот случай. Я быстро набрал текст и отправил его, волнуясь, как школьник.

«Здравствуй, сын. Прости за беспокойство, но мне нужно сегодня с тобой встретиться. Поверь, это для меня очень важно. Да и для тебя тоже. Не стал бы писать, если бы это было не так. Скажи мне, когда и где тебе удобно. Твой отец».

«Твой отец!» Как будто он не поймет, от кого это!

Ответ ждать пришлось долго. Может, был занят другой перепиской, может, еще чем, может, вообще сейчас не у компьютера, забыл выключить... А может, не захотел и не станет отвечать, ведь было уже так и не раз. Кого мне винить в этом, кроме себя? Вот сейчас он прочитал, наверное, и досадливо отвернулся. Больно нужен я ему, такой «отец»...

Но ответ пришел.

«Здравствуй. Хорошо, давай встретимся. Кафе «Метро» в центре у Драмы знаешь? Я буду там в два часа».

«Йес!» — крикнул я мысленно и снова кинулся к клавиатуре.

«Отлично. Знаю. Буду обязательно. Сдержи слово и ты».

Сын на это ничего не ответил, но и того, что он написал, мне было достаточно. У Драмы! Конечно, где же еще. В этом театре работает его мать. Или как там у них — служит... В те далекие времена она еще только начинала и радовалась каждой роли, как ребенок. А сейчас она заслуженная артистка, но прима, но вроде того, и популярность у нее немалая. От кого-то я слышал, что ее даже в столицу звали.

Как-то давно, уже после развода, я присутствовал на двух постановках с ее участием. На сцене она была великолепна. И когда в конце постановки зал взрывался аплодисментами и криками «браво», я вместе со всеми поднимался с кресла и выражал неподдельный восторг. Меня переполняло чувство гордости, что я знаю эту молодую женщину куда лучше многих и хоть чуть-чуть, но причастен к расцвету ее таланта. Но и больно мне было тоже. В Драмy я больше не ходил...

Компьютер мне уже не был нужен. Но только лишь я собрался выйти из интернета и выключить его, как пришло новое сообщение. От Ники. Таким был логин

совершенно неизвестно мне человека, который отправлял письма в мой адрес с удивительным постоянством на протяжении нескольких лет. Происходило это без назойливости и крайне редко. Отвечал же я еще реже. Не видел смысла. Так что диалоги как таковые у нас отсутствовали вовсе.

Таинственная незнакомка присылала мне, как можно было предположить, собственные, изумительно чувственные стихи, посвященные отношению к моей особе. Кто она и чем ее привлек мой почтовый ящик, оставалось непонятным. Одно время я даже сомневался, что это женщина, и думал, меня разыгрывают. В интернете всякое ведь бывает, мы знаем... Но стиль посланий, их глубина и необычность заставляли верить в искренность автора.

Сам факт такого рода откровений безусловно льстил, однако что с того. Человек был абстрактным, на контакт не шел, по сути ничего от меня не ждал — зачем же время терять? А когда Лена случайно прочла одно из этих посланий (удалять их у меня не поднималась рука), разразился такой скандал, что я и вовсе к ним охладел. Уверен, столкнись несостоявшаяся собеседница, кто бы она ни была, со мной реальным лично, она больше не написала бы ни строчки. Вообще бы разучилась писать.

Сейчас как раз и была только одна строчка, короткая и отнюдь не в стихах:

«Ты кто?»

Меня это позабавило.

«А ты?»

«Я первой спросила».

Господи, что за ребячество!

«Сергей».

«Не лги. Он погиб».

Интересно девки пляшут! Оказывается, загадочная Ника — существо вполне себе реальное, вовсе не далекое и, мало того, неплохо осведомленное о моем жите-небытье вплоть до крайних суток. Дела...

«Не лгу. Я воскрес».

«Зачем?»

Вопрос поставил меня в тупик. Он настолько озадачил, что я надолго задумался. Он почему-то вырос до невероятных размеров, показался мне прямо-таки глобальным и вечным, чем-то вроде «быть или не быть». Мыслями меня унесло куда-то в пески, на вершину бархана, у подножия которого проходил караван. Там, впереди, на пути его следования я видел бесконечность, позади — тоже. Идти ли мне дальше с ним? А зачем?..

Когда я очнулся, моя собеседница уже была «оф-лайн», и на мониторе жгло приговором ее последнее сообщение:

«Если приходишь туда, где тебя не ждут, ты должен хорошо знать, зачем это сделал».

Так. Все. Хватит! Мозгов не напасешься на эти шарады... Я быстро выключил компьютер и убрал его на место. Я собирался в город? Вот и хорошо. Этим и займемся. Помня об опасениях Паша, я нацепил на себя его бейсболку и, хоть на улице не было особенной прохлады, завернулся в плащ — осень все-таки. Плащ я не носил уже лет двести, посему и узнать меня в нем будет некому.

Единственное, что немного сбивало со взятого на старте ритма, это стрелки часов. Дело в том, что до двух была еще уйма времени, а добраться в центр — пара пустяков. Но думать над этим довелось недолго. Пока я собирался, одевался и выживал из секретных страниц потрепанного «Руководства по логистике» заначку на черный день, решение, куда мне сейчас направиться, пришло легко и просто.

Был полдень, когда я выходил из дома...

Как-то так вышло, что с отцом у меня никогда не было особенного контакта. И причин для этого вроде бы тоже не было никаких. Ну, вот, бывает же так — идешь на природу, выбираешь себе полянку для бивака. Казалось бы, те же деревья вокруг и земля та же, так же солнце светит, те же самые насекомые по травке шастают, — что б не выбрать другое местечко? Вон их сколько! Ан нет, останавливаешься там, где получилось, и точка. Вот и со мной так же. Получилось. Мимо нужной полянки как-то...

Конечно, он у меня был. Я вырос в полной семье и не знаю, что такое расти без отца. В детстве и юности мы общались почти каждый день, его присутствие обнаруживалось во всем, что меня окружало. Отец открыл мне глаза на многое, многому научил и от многого уберег. И все же главной силой притяжения в семье была мама, без которой я себя и не представлял. Именно она являлась для меня богом, судьей, другом и всем остальным одновременно. А отец... Он был в моей жизни всегда «где-то там».

Я думаю, он чувствовал это. Однажды они с мамой поссорились и разговаривали на повышенных тонах. Предмет ссоры теперь уже не вспомнить. Я решил не оставаться безучастным и вступился за маму. В моих глазах она была непогрешима, а, значит, тот, кто против нее, изначально и однозначно неправ. Я до сих пор помню взгляд, которым тогда посмотрел на меня отец. Посмотрел и ушел. Молча.

А на следующий день он написал мне письмо, отец — сыну, проживающему с ним под одной крышей, потому что посчитал, что обычной беседы у нас теперь не выйдет. В письме была выражена его позиция, взгляды на жизнь, на отношения между членами семьи... Оно было объемным и содержательным, и оно повергло меня в шок. Я словно увидел своего отца впервые, словно с глаз моих спала какая-то пелена!

На протяжении многих дней после этого мы были с ним очень близки, близки как никогда ни раньше, ни позже, наверное. Я с упоением познавал его заново, а он, счастливый, получал от меня то, чего никогда не имел... Но прошло время, и все вернулось на круги своя. Он снова остался для меня «где-то там», самим в себе, человеком, у которого своя жизнь и свои интересы. Мне снова стало не до него. Герой одной из пьес Бернарда Шоу называл отца всего лишь «необходимейшей частью... общественного снаряжения». Так вот я считал так же. Частью снаряжения.

С тех пор ничего и никогда не менялось. Шли годы, умерла мама, сестра с мужем уехали в другие края, и мы с отцом периодически встречались всего лишь как люди, которые когда-то волей судьбы жили вместе, только и всего. У него был свой мир, у меня свой, и они почти никак не соприкасались. Редкие сборы за одним столом по случаю значимых дат или общих событий, редкие звонки, еще более редкие общие дела...

Когда случился первый инсульт, мы какое-то время снова были вместе. Я разрывался между квартирами, работой, непростыми отношениями с Леной и собственными прихотями, но оставил отца только с улучшением его состояния. А потом грянул второй инсульт, куда более серьезный... И вот тут уже пришлось выбирать. В итоге была найдена женщина, бывший соцработник, которая согласилась взять на себя роль сиделки.

Только ее и меня он теперь и узнавал. Отец расстался с сознанием. Он почти совсем потерял память, стал плохо говорить и очень плохо видеть, нормой стало неадекватное поведение и многочасовое лежание в одной позе с неподвижным взором. Он больше не шутил, не разбирал шахматные партии, не разгадывал кросс-

ворды и не читал свои любимые книги, без которых раньше не мог никак. Теперь это уже было кто-то, совсем далекий и от жизни и от меня. И уже не первый год...

Я не могу сказать, почему вспомнил об отце именно сейчас. Я посещал его регулярно, примерно раз в месяц. Эти визиты хоть и носили несколько протокольный оттенок и отдавали, в общем-то, скукой, но были обязательны и неизбежны, как смена дня ночью. А сейчас... Мысль поехать к нему ворвалась в меня вдруг и неистово, сродни озарения свыше. Так еще не было. Мне показалось, что я должен это сделать непременно, вот как если бы прощался с ним навсегда.

Странные мысли и странные ощущения. Они посещали меня сегодня уже не в первый раз, и каждый раз мне казалось, что все происходящее — сон. Сон, которого я больше не увижу...

Отец жил на окраине города, там, где круглый год тихо, как в деревне. В древней «сталинке» на полтора десятка квартир с квадратными комнатами и высокими потолками. Все тут друг друга знали, как облупленные, до седьмого колена, а то и дальше. Многие были родственниками, и в прежние годы торжество одной семьи оборачивалось праздником для всего околотка. Эти годы и общие праздники давно ушли в прошлое.

Мне повезло — никто из местных не повстречался. Не так чтобы я очень уж сильно хотел остаться незамеченным, но бестолковые разговоры на тему «как дела» и «где пропал» как-то не прельщали. А в свете сегодняшних событий тем более. Лишь в раздолбанной, как после взрыва гранаты, песочнице одиноко возилась маленькая девочка в куцем пальтишке. Она подняла голову, почему-то закрыла глаза ладошкой и смотрела на меня, пока я шел, сквозь пальцы у глаз, до самого крыльца.

Помнится, Паш говорил, что сиделка в курсе моей «гибели». Как все-таки хорошо, что ее сейчас нет! Я прикрыл входную дверь и прошел в комнату. Отец лежал на своей постели и неотрывно смотрел в одну точку на стене. Как обычно руки его замерли на очередном замысловатом узле из простынки. Как обычно у изголовья на табурете стояли тарелка с раскрошенным печеньем и пластиковая бутылка с водой.

Я присел в его ногах и тихо сказал:

— Это я, отец. Здравствуй.

— Сергей?

Он встрепенулся, сделал попытку приподняться, потом замер, будто припоминая, что ему только что было нужно, да так и не вспомнил, и снова опустил голову на подушку. Лицо его оживилось, глаза бегали, руки судорожно сжимали плед-покрывало. Дежавю. Вот так, немного суетливо, он всегда встречал меня, когда я приезжал. Искренне радовался, готов был исполнить все мои желания и хотел, чтобы я был им доволен.

— Да, отец. Я. Как ты?

— Хорошо.

Сказано это было бодро. Отец был похож на солдата, стоящего в строю и ожидающего приказа. Каждая черточка его лица выдавала невероятную борьбу разума, ищущего себе путь сквозь частокол совершенно невысказанных образов. Он ничего не понимал, но держался в рамках привычного поведения, которые не позволяли ему окончательно сбиться с того уровня сознания, на котором еще держался. Мучительно было на это смотреть.

Но он слышал мой голос и узнавал его! А значит, я не мог молчать.

— Ты покушал?

— Да.

— Слушаешься Галину?

— Да.

— Хочешь пить?

— Да.

Я подал ему бутылку. Отец вслепую взял ее, дрожащими пальцами свинтил колпачок и поднес к губам. Человек, всю жизнь проработавший на производстве своими руками, может доверять приобретенным рефлексам даже в беспамьятстве. Я намеренно не помогал ему в этом, чтобы сохранить их, эти рефлексы, как можно дольше. По той же причине раньше, когда приходил, я включал радио или телевизор, чтобы он слышал хотя бы новости. Что еще я мог сделать, чтобы задержать его Здесь?

Нет сомнений, было б только на пользу, если бы я перевез его к себе и мы жили вместе. Но такой вариант входил в противоречие и с моим личным образом жизни, и с планами Лены. Она, я это знал, ни за что не желала прощаться с карьерой на железной дороге и посвящать себя уходу за престарелым больным. Вопрос неизменно возвращался к найму сиделки, а в наше совместное существование это уже не вписывалось никаким образом.

Закончив, отец повернул колпачок в нужную сторону и застыл, растерявшись от того, что следует предпринять дальше. Он и пить-то не особенно хотел, сделал это только потому, что ему так сказали. Наверное, не очень-то и осознал, что, собственно, только что делал... Я поставил бутылку на место и поправил покрывало на его груди.

— Я приезжал к тебе на прошлой неделе, ты помнишь?

— Да.

— Лена вяжет тебе свитер, такой, как ты любишь, с оленями.

— Лена?

Он наморщил лоб, пытаясь отыскать в памяти ниточку, ведущую к разгадке этого имени или даже вообще слова. Рот полуоткрыт, слова замерли на губах. Глаза заматались, слабые кулаки сжали плед. Я тотчас пожалел, что направил его в мысленный тупик, и поскорее сменил тему:

— А на дворе осень — листья под ногами шуршат. Так хорошо!

Лицо отца разгладилось, на нем возникла добрая, по-детски мечтательная улыбка...

Дальше я не мог на него смотреть. В груди вдруг что-то оторвалось, сорвалось в пропасть, закричало истошным криком. Задевая нутро, разорвало меня на части. Горло стиснули судороги от едва сдерживаемых эмоций. Не спросясь, хлынули слезы. Боль! Теряя последние блики самообладания, я уткнулся в колени отца и беззвучно зарыдал.

— Прости меня, отец!

Прости, родной! Пожалуйста, я тебя очень прошу! Я был неважным сыном, всю жизнь я не видел тебя... Ты этого не заслужил!.. Но ведь ты великодушен! Ты сможешь!.. Прости... За все, что ты от меня не получил! За все, чем я тебя когда-то обидел! Я не хотел! Ты должен мне верить!.. Я больше не могу! Как больно! Почему так больно! Зачем! Хватит!!!

Море... Его волны с шумом падают на огромные камни и откатываются назад, чтобы изготовиться к новому прыжку. Дует сильный ветер. В попытке продемонстрировать перед родными свою ловкость и смелость я, мальчик, только что сиганул с одного камня на другой, поскользнулся и сильно ударился коленкой. До крови. Я реву от досады, не боли. С мягкой улыбкой отец обнимает меня за плечи и ерошит волосы на голове... Так было!

Руки отца — они такие огромные, сильные. Сейчас нет ничего нежнее и нужнее их. Они гладят мои волосы, греют кожу. Они пахнут чем-то крепким и вечным. Они лечат мои раны запросто и в один момент. Они сушат мои слезы и дарят глубокий,

свободный вдох. От них веет надежностью и уверенностью. Они — лучшая защита от бед. Я не хочу, чтобы отец убирал свои руки...

Он и не убирал! Медленно, очень медленно ко мне приходило понимание, что это происходит не в воспоминании, а прямо сейчас, в данную минуту. Отец гладил меня по голове, и руки его — не дрожали!... Так же медленно я возвращался в реальность, ощущая сырость плеча у моей щеки и слабое тепло ног отца, которые были подо мной... Что-то произошло. Что-то произошло прямо сейчас!

И вдруг я услышал его тихий спокойный голос:

— Ты помнишь, как разбил коленку? Тогда, на море... Какая это ерунда, правда?

— Отец??

Я встрепенулся, поднял голову, сел. Его руки плавно опустились на покрывало. Голова по-прежнему была на подушке и невидящий взор направлен в потолок. Но лицо светилось от воодушевления и в нем была Жизнь! И голос... он был таким же, как раньше!

— Я очень хотел, чтобы ты поскорей улыбнулся и сказал: «Да фигня, папа. Я все равно это сделаю! У меня получится!» И у тебя получилось. Ты помнишь?

Я все-таки перепрыгнул, я помню. Но какое сейчас это имеет значение, если...

— Твоя мать отругала меня тогда, как она это может, — продолжал говорить отец так, будто и не было никакого недуга, будто он в полном разуме, просто прилег и вот-вот встанет, чтобы заварить своего «фирменного» чайку из немислимого сочетания трав. — Она сказала, что я не берегу тебя, что сам — как ребенок... Смешная! Хорошо, что она ругалась шепотом, и ты ничего не слышал. Ты был маленький, но мужчина. И ты был мой сын. Я гордился тобой...

Я не верил своим глазам и ушам. Это было невероятно!

— Та маленькая победа была очень важна для нас обоих, ты знаешь? Я смотрел на тебя и вспоминал себя молодым, когда сам пытался победить обстоятельства. Однажды в детстве... Я тогда был таким же, как ты, на море... Мы с пацанвой ныряли с высоты. Кто-то был смел и прыгал, а кто-то трусил и уходил с позором. Их, ушедших, называли предателями. Мы были дети войны, что ты хочешь! Я не мог поступить иначе и принял вызов. А когда посмотрел вниз, испугался. Все, думаю, тут-то мне и конец...

— Отец!..

— Я в ужасе обернулся к товарищам и натолкнулся на взгляд хромого Яшки, соседа, семья которого только что получила похоронку с фронта. Я вдруг отчетливо понял: этот — прыгнет! А чем я хуже? В общем, сам того не зная, Яшка «подтолкнул» меня. Рубикон был пройден... Нам, мужчинам, нужны подвиги. Иначе как мы пойдем, на что способны? Как мы узнаем себя?

Понимание медленно возвращалось ко мне, с каждым мгновением все больше убеждая, что передо мной находится вполне адекватный человек. Сомнений уже не оставалось — каким-то чудом отец пришел в себя!

— Я вспоминал эту историю, когда смотрел на тебя там, на камнях у моря. Ты не сдался! Ты сделал это! Мой сын не подвел меня! Не знаю, поймешь ли... Я был настолько счастлив!.. Тамарка посмотрела на тебя, на меня... Она улыбнулась, махнула рукой и сказала: «Все вы, мужики, одинаковы. Нет покоя с вами». Я не возражал...

Я сидел, затаившись, боясь спугнуть чудо. Смотрел на отца и почти не дышал. А он все говорил и говорил, спокойным и ровным голосом, какой был у него раньше, всегда. С сахарной полуулыбкой на губах и хитринкой в глазах, по которым, оказывается, мне так скучалось! И тоже почти не двигался.

— Я вообще редко ей возражал, особенно, что касалось вас, ребяташек. Потому что, если уж она что задумала, переубедить было невозможно. Себе дороже...

Это ведь она отправила Аньку в балетную школу, а тебя в музыкалку. Убеждал, доказывал, что напрасно — все без толку. Ну и что? И Анька забыла про балет, как только с алгеброй познакомилась, и ты забросил баян, потому что рисовать тебе больше хотелось. Ну, девчонке хоть польза вышла, что походку да осанку приобрела изумительные, мужики и по сей день от нее косятся, наверное. А ты точно лишь время потерял. Тамарка говорила: «Ничего страшного. Дети должны быть всесторонне развиты». Да я разве против был? Только раньше ее видел, что это — не ваше...

Мне нравилось наблюдать, как ты рисуешь и лепишь фигурки из пластилина. Я старался делать это незаметно, чтобы не мешать. Бывало, болты на полках подкручиваю, будто расшатались, а сам тебе через плечо подглядываю. Ты и не замечаешь, язык высунешь и забудешь про него чуть ли не на полчаса... Такие красоты у тебя выходили!.. Или вот: приеду из командировки — поздно, вы спите уже, а я Тамарку лазутчиком отправляю, чтобы принесла твой альбом да новые фигурки посмотреть... Нет, надо было тебя сразу к ремесленникам определять. Глядишь, был бы знатным ювелиром. Получалось ведь, и неплохо. Мать хвасталась, что у нее сережки от Сережки, помнишь?

Жаль, нужное время ушло, и ты потом на другое переключился. Но мы и этому были рады, хотели, чтобы ты нашел себя. А профессия военного для мужчины — что может быть более достойным! Гордились мы тобой, что и говорить... Знаешь ведь, отцы наши воевали — мой на флоте топил фашистов, а Тамаркин до Австрии дошел. Где-то у меня сохранились награды, которые мы потом за них получали... Мать, когда тебя впервые в форме увидела, плакать кинулась. Ревет, а сама мне шепчет: «Посмотри, какой у нас сын — весь в тебя. Самый лучший!» А меня и самого от чувств распирает, не знаю, куда глаза прятать... Верили мы в тебя. Видели, что растешь человеком...

Ты был прав, когда вступился за мать. Да, да, вот что важно. Мой сын только так и должен был поступить. Сколько раз после этого в мыслях я возвращался к тому вечеру! И каждый раз, знаешь, жал руку тебе. А себя корил, потому что вспылил. Бывают ситуации, когда мы совершаем верные поступки, те поступки, которые, если бы не были идеальными, не умыли бы нас. Вот как дождь, который вроде б нестати. Только понимаем мы это не сразу... А письмо... Я ведь «писал» тебе их не однажды, там, в голове. Порой, бывая в отъездах чаще, чем дома, мне ничего не оставалось, как беседовать с вами так, будто меня слушают и слышать хотят. Будто вам это нужно, а мне и за счастье. Только видишь, как оно получилось — написать реально повод вышел лишь раз...

Пока ты с нами жил, я нет-нет да приложусь к твоей одежде. Ну, вроде нюхал, что ли, хотел поближе быть. А когда ты отдельно обосновался, рисунки перебирал, вспоминал да радовался. Тамарка подойдет, обнимет сзади, и так хорошо становилось!.. А то ворчит на меня: «Ну что ты вздыхаешь, душу рвешь? Любит он тебя, любит! Характер просто у него такой, в деда, наверное. Мама говорила, от того тоже ни ласки, ни теплых слов не дожидалась. Все в себе носил, и боли и страсти... И потом, ты ведь знаешь, своя жизнь у него...» А я прижму ее к себе и говорю: «Все хорошо. Не выдумывай...» Должно прийти время, чтобы мы поняли то, что должны понять. Правда, сынок?

Когда ты ушел со службы, Тамарка уже плоха была. Помнишь, мы отправили ее в санаторий... Я и не знал, что сказать ей об этом, долго думал, как сделать лучше. А она сама все выудила из меня, она это умела... Посидели мы с ней, попереживали, а потом и решили — ну, мол, и ладно, ну, и бог с ним, раз так. Сын наш в самом расцвете сил, руки и голова на месте, пусть без специального образования, но без дела сидеть не будет и работу найдет обязательно. И к тому, что ты устроился на

склад, мы отнеслись спокойно. Конечно, всякий родитель желает, чтобы его дитя хлеб не крошками ело. Но мы были уверены, ты еще найдешь себя. В этой жизни каждому из нас отведено свое место, и нет разницы, когда мы к нему придем, оно все равно только наше...

Тамарка ушла тихо, во сне. Я тебе не рассказывал, она меня обнимала. Когда я почувствовал неладное и проснулся, она так и лежала, уткнувшись носом в мое плечо, а ее ладонь была у меня на груди... Она покинула царство, которое сама создала и в котором была твердой, но самой мудрой, самой верной и самой желанной царицей. Сережка, сынок, я нашел для вас с Аней отличную мать. Она рожала вас в муках, но с жадной. Мы прожили долгую жизнь, бывало всякое, но никогда, никогда, никогда я не жалел о том, что однажды утонул в волшебстве ее глаз... У вас была лучшая мать на свете! И если мне суждено с ней встретиться Там, я пойму, что прожил не зря, я поверю, что жил не напрасно...

Как ты думаешь, зачем мы приходим? Что должны сделать мы, раз пришли?... Тогда, на море, когда ты разбил коленку, мы с твоей мамой были в горах. Экскурсия или что там, не помню. Вы с Аней остались внизу. Так вот нам сказали, что есть человек, который знает ответы на все. К нему полмира съезжалось, пошли и мы... Им оказался седой старик, каких много. Но слепой. И усталый, как раб. Я был далек от серьезных дум и, пряча улыбку, спросил, знает ли он, зачем я к нему поднялся? Он ответил: «Знаю. Но, когда ты спустишься вниз, ответ, каким бы он ни был, уже не будет тебя интересовать». «Почему?» — спросил я. «Потому что тебя не интересует и сам вопрос...» Что скажешь на это, сын?

Я по-прежнему молчал.

— Вот и я тогда промолчал. И правильно сделал...

На улице шел дождь. Он сильно стучал в окно и тяжелыми тягучими каплями катился вниз по стеклу, рисуя изгородь от внешнего мира. Там, за ней, скорым поездом мерцало другое время. И пространство тоже. Другие существа волновали другие идеи. Там дважды два равнялось четырем и параллельные прямые не пересекались, Земля кружилась вокруг Солнца и деревья не умели летать, голодные завидовали сытым и бедные богатым, скептики отходили в сторону и наивные били в колокола, ток бежал по проводам и любовь по душам, вода текла и огонь горел. А здесь...

Отец продолжал молчать. Но его лицо жило, отображая таинственные образы. По нему каскадом проносились день и ночь, печаль и радость, задумчивость и озарение, умиротворение и боль. Иногда оно светилось, и тогда его каждая черточка пела. А иногда темнело, словно отступало в тень.

Зачем-то я все это должен был видеть, я понимал, но сил уже не было никаких. Едва сдерживаясь от нового взрыва эмоций, я осторожно гладил его сухую и слабую руку. Нужно было что-то делать или, напротив, ничего не предпринимать? Впервые в жизни, наверное, я был невероятно счастлив видеть и слышать своего отца, которого, по сути, раньше — всю жизнь — почти не замечал! И при этом ясно понимал, что уже поздно...

Неожиданно он вздрогнул, в первый раз за все время посмотрел прямо на меня и улыбнулся. Задорно и по-хулигански, так, как умел улыбаться только он. Я растерялся и рефлекторно улыбнулся в ответ. Скорее всего, с моей стороны это вышло глупо. Но и ладно. В конце концов, выглядеть глупо перед собственным родителем — это так естественно. Какая ерунда! О чем я думаю?

А отец снова увел взгляд в сторону и вдруг отчетливо произнес:

— Ты ушел раньше меня... Это неправильно!

Я вздрогнул.

— Так не должно быть. Ты должен был жить.

Паш говорил, что... Галина! Она ему все-таки рассказала! Иначе откуда еще он мог об этом узнать? Но ведь он считает меня погибшим и сейчас... Значит, все происходящее он не принимает за реальность, думает, я ему просто казалась, и разговаривает, смирившись с тем, что воображение так явно... Но тогда нужно признать, что и в себя он пришел не окончательно... Вот ведь, странность: думаю, что он пребывает в иллюзиях, а сколько уже раз за сегодня мне самому казалось, что сплю! Эх, отец, отец... Как много бы я теперь отдал за то, чтобы разум вернулся к тебе с прежней силой, чтобы ты порадовался за нас обоих и чтобы у нас все было как раньше. Нет, не как раньше — что я такое говорю!

— Нельзя, чтобы дети уходили прежде родителей, — услышал я его снова. — Шиворот-навыворот получается. Разве это не против природы? В ней ведь не напрасно все так устроено, чтобы будущее принадлежало потомкам, а не их родителям, и те знали, что не прошли впустую их годы... Живут люди, заводят себе ребенка, растят его, играют с ним, нянчатся, воспитывают, учат чему-то, вкладывают в него свои души, весь опыт предыдущих поколений, выпускают в самостоятельную жизнь, вместе с ним радуются и печалются, гордятся им, надеются, что потом, когда они состарятся, будет кому присмотреть за ними, подать хлеб и воду... А так получается что? Что все было зря??

Голос его сорвался, в глазах появились слезинки, лицо сморщилось, как от боли.

— Отец! — кинулся я к нему. — Ну прости!!!

И опять повторились муки, разрывающие меня на части. Опять все внутри меня содрогалось, падало рубленным сердцем, пылало взорванным мозгом, хрипело раздавленным горлом, душило и жгло. Опять слепил калейдоскоп кратких и ярких образов из детства о поражениях, потерях, обидах, отчаянии. Опять я был на краю... И опять я пробивался сквозь все это с единственным желанием: хватит!

Обшарпанная стена больничной палаты, век назад небрежно выкрашенная грязно-зеленой краской. Яркий свет. Жесткие руки женщины в маске, которая зачем-то шлепает меня пониже спины. За что? Мне ведь и без того больно! Я хочу назад, в маму! Я кричу...

Вместо стен — деревянные решетки, сквозь которые можно просунуть руку, не больше. Там, за ними, совсем рядом — мягкая лапка моего друга Зайца. Я не могу до него дотянуться, не могу, не могу, не могу! Вроде б касаюсь, но он падает, исчезая где-то внизу совсем. Пустите, пустите меня к нему!..

Какая отвратительная каша! Я же сказал, что не терплю ее, — почему меня не понимают? Они, такие большие и сильные, кто дал им право заламывать мне руки и пихать в меня всякую гадость? Не сдамся!..

Вот он, вожделенный кран. Если его сильно повернуть и подставить тарелку, будет чудо! Несметное множество искрящихся капель волшебным веером рассыпается повсюду, создавая в воздухе дивный мир. Неужели никто не видит? Почему меня ругают? Ну разве ж не обидно?..

Деревянный Конь. У нас, во дворе садика, это почетное место, вершина всего. Сегодня я влезаю на него первым, я победитель! Но кто-то, безусловно, гадкий и очень подлый, стаскивает меня с него за ногу, и я падаю, ударяясь о землю. Крах!..

Сколько бы ни продолжались мои видения, они прекратились. Когда это произошло, когда откуда-то сверху мягко и незаметно опустилась тишина, я собрался и взглянул на отца. Он лежал неподвижно и, как прежде, смотрел в потолок. Как прежде, глаза его были широко открыты и не выражали ни единой мысли. Лицо расслаблено, рот приоткрыт, дрожащие руки неуверенно ощупывали простыню, неосознанно скрученную в вереницу тугих узлов.

— Отец?

— Да.

И чуть позже:

— Сергей?

— Да, — сказал в свою очередь я и медленно отстранился.

Передо мной снова был тяжелобольной человек, который подчинялся лишь рефлексам и который помнил пока еще только пару имен, ничего больше. Реальность вернулась... Судьба сжалилась надо мной, подарив монолог отца, несостоявшийся в прошлом и невозможный в будущем. Что бы ни было со мной теперь, сколько там ни отмерено, я буду помнить его до последнего вдоха. Спасибо, отец. Ты сделал для меня больше, чем мог...

Дождь кончился. Стало значительно светлее, и я будто только сейчас осознал, что нахожусь там, где провел добрую половину своей жизни. Это был родной и близкий мне мир, знакомый в каждом его уголке, в каждой мелочи. Удивительно все-таки, как порой бывают важны и яркие воспоминания о том, что, казалось бы, само по себе мало чем примечательно. Они похожи на отдельные листья деревьев, которые не замечаешь, когда проходишь мимо. Ты бросаешь взгляд на крону, видишь ее целиком и, в общем-то, не обращаешь внимания на то, из чего она состоит. А ведь там, в каждом листочке, жизнь!

Вот, например, старинная медная пепельница-чаша на трех ножках в виде куриных лапок с тремя же элегантно закрученными ручками по бокам. Всю дорогу она стояла у нас почему-то не где-нибудь, а на телевизоре, наполненная порой то конфетами, то пуговицами, то еще чем, но чаще пустая. Сколько раз она падала! И все же кто-нибудь из нас с необъяснимым постоянством водружал эту безделушку на свое место обратно. Мать говорила, что это осталось от моего прадеда. Вон она, стоит и сейчас...

Здесь, на полу в гостиной, много лет лежал огромный зеленый палас. Он нравился всем нам, так как удивительно напоминал лужайку и создавал ощущение уюта. Одной из моих домашних обязанностей была его чистка. Нельзя сказать, что я выполнял ее с легкостью, наоборот, а объяснялось это, главным образом, моим же разгильдяйством. Несчастный палас во многих местах был безнадежно испорчен пластилином, посредством которого я играл на просторном полу в «войнушку».

Дверной проем на кухню... Ну как не оказаться в прошлом и не увидеть, что там происходит, своими же глазами, только глазами подростка? Ведь эта «картинка» так устойчива и жива! Обеденный стол, напрочь заставленный чем ни попадя, но свободный с краю, где мать с сестрой под разговор лепят пельмени... Я, голодный, партизаном проникаю за их спины, умыкаю кусок колбасы и удираю, а след доносится «Вот паразит!» от одной и «Сережка! Не перебивай аппетит — скоро кушать будем!» от другой...

Там, дальше, — дверь в родительскую спальню. За ней по вечерам, если по телевизору не показывали футбол или хоккей, можно было видеть отца, который, полулежа и нацепив на край носа очки, читал перед сном очередную книжку. У него их было немерено! Изобретательно и мягко он не раз пытался привить мне к ним интерес, но это оказывалось без толку — у меня находились дела поважнее. Отец переводил все в шутку, он вообще был в этом мастер. Жаль, что в командировках ему приходилось бывать чаще, чем дома.

Отец...

Я посмотрел на него снова. Ничего не изменилось: бессмысленный взгляд направлен в неведомое пространство, мимика лица слаба и беспорядочна, руки, подрагивая, будто самостоятельно и независимо от головы исследуют простыню, как нечто совсем незнакомое... Что теперь могло меня здесь задерживать? Стараясь быть бесшумным, я потихоньку отступил в прихожую.

Еще мгновение — и я бы вышел, но в этот самый момент к двери снаружи кто-то подошел и в замке заворочался ключ!

Трудно сказать почему, но мне вдруг стало страшно. Повинуясь безотчетному инстинкту, я распахнул дверцу кладовки и шмыгнул в нее, как трясущийся заяц. Здесь, в затхлом мраке, вместе с давно и никому не нужными уже рыболовными снастями отца невесть зачем хранилось старое одежное барахло. Безумная куча барахла. Среди него, как в коконе, я и затих, прислушиваясь к звукам в квартире.

О том, кто пришел, стало понятно сразу же. Это была Галина, сиделка. Вот тебе на — ну кому ж здесь оказаться еще!

— Здравствуйте, мой друг. Это я, — громко сказала она, проходя на кухню, чтобы поставить сумку с продуктами.

«Мой друг» — она всегда обращалась к отцу именно так, и ему это нравилось.

— Галина! — послышался его слабый, но радостный голос.

Сиделка направилась в гостиную. По звукам легко угадывалось, что она поправляет отцу постель и прибирается на табуретке-гумбочке.

— Ну, как вы тут без меня сегодня? Как всегда хулиганили? Ну да, во-о-он сколько новых узелков навязали. А печенье — это ерунда. Крошки мы уберем сейчас мигом...

— Сергей, — произнес отец.

— Сергей? Нет, мой друг, его тут нет, и теперь уже не будет. Я вам не говорила... Ушел ваш сыночек непутевый далеко-далеко от нас. Такие дела вот... — она тяжело вздохнула.

— Он был здесь. Сейчас, — сказал вдруг отец.

Галина притихла. Некоторое время стояла тревожная тишина, но потом послышался новый, с оттенком успокоения, вздох сиделки и ее бодрый голос:

— А, ну да... Конечно, мой друг. Он с вами всегда.

— Да.

— Ведь это же ваш сын.

— Да.

— Ведь вы же так его любили...

— Да...

Я больше не мог здесь оставаться — это было невыносимо! Воспользовавшись тем, что сиделка включила радио, я выскользнул из кладовки, на цыпочках прошмыгнул в подъезд и осторожно прикрыл за собой дверь.

Не прошло и минуты, как я был во дворе. Слава богу, здесь по-прежнему пусто... Единственный, кто оказался свидетелем моего появления, это рыжий кот, который сидел на скамейке у подъезда. При виде меня он сначала вскочил и с шипением выгнул спину, а потом медленно расслабился и проводил меня одним из тех внимательных взглядов, от которых кровь стынет в жилах так, что легче провалиться сквозь землю, чем выдержать. Без единой мысли в голове, крадучись, я пробрался вдоль дома на улицу...

Здесь, на окраине города даже в этот час было тихо и безлюдно. За все время пути к троллейбусной остановке мне не повстречался ни один человек. В другое время это показалось бы необычным, но сейчас одиночество только радовало. Я чувствовал себя тем, кого никто не должен был видеть. Мне было от этого легче. Визит к отцу не прошел даром, и я был уверен, что в таком состоянии лучше не попадаться никому на глаза — наверняка напугаю.

Да, визит не прошел даром... Была разбужена давно уснувшая память, произнеслись вещи, затрагивающие самые тонкие струны души. Мягкий голос отца до сих пор слышался мне сквозь все остальные звуки...

А кроме того, так и не перестал волновать главный вопрос: что происходит? Каким-то чудесным образом отец смог прийти в себя и, хоть недолго, общался вполне осмысленно. Но он либо так и не смог поверить, что я реален, либо ему казалось, что мы беседуем с ним в том, другом мире, куда он фактически давно уже сам шагнул. Тогда что означало это «он был здесь»? «Здесь» — это где? Он же говорил со мной, как с умершим!

Можно понять настороженность Галины при его словах, ведь ей известно, что меня уже нет. И можно представить, что бы с ней было, если бы я оказался ею замечен. Как правильно я сделал, что скрылся!

И почему до сих пор не звонит Паш? За это время уже не раз можно было стонать в... куда надо, и все выяснить, а он молчит. Странно, конечно, что меня волнует результат! Может, у него не получилось, не пускают или что там — кто его знает, как работают эти заведения по выходным.

Да, и кстати, куда все-таки у меня девался еще один день? Мистика...

Стараясь быть неприметным, я устроился в самом конце троллейбуса. Впрочем, салон был почти пуст. Оно и понятно — утренние птички из здешних захолустных гнезд уже разлетелись, а для любителей вечернего променада еще рановато. Прямо за водительской кабиной — старушка с сумкой на колесиках в ногах, в середине салона — молодая мамочка с мирно спящим ребенком на руках, ближе ко мне — парнишка, пытающийся писать «эсэмэску» на своем мобильнике, не смотря на тряску. И все.

В какой-то момент парнишка обернулся в мою сторону. На его лице отобразилась недовольная гримаса, будто он наткнулся на нечто неприятное. А я подумал о сыне, и мысли о нем постепенно вытеснили из головы все другие. Я увижу его совсем скоро, впервые за долгое время. Какими глазами он будет смотреть на меня — тоже с гримасой неприязни? Зачем понадобилась мне эта встреча? Что я ему скажу?

Наше общение с глазу на глаз всегда было коротким, спешным, за много лет его можно пересчитать по пальцам — реже, чем раз в один год. Даже было время, когда мы не виделись совсем, очень долго. И каждый раз, после, оставалось чувство ненормальности происходящего, недопонятости, недосмотренности, недослышанности, недосказанности... Будто я, как плохой актер, выступаю на сцене за мастера, совершаю ошибку одну за другой, а исправить их нет ни способностей ни возможности. «Мда... Стыдно за сцену!» — сказала бы, как бывало, мать Димки. И была бы права.

Почему-то вспомнилось, как по выходным, колдуя на кухне над трапезой, она вслух разучивала свои роли. При этом могла греметь посуда, что-то шкварчать на сковороде, стучать о разделочную доску нож — все нипочем. Мне в такие моменты лучше было ее не беспокоить. Потому что обращение необязательно означало, что тебя вообще-то заметят, и потому что слова, адресованные тебе, любые, могли запросто перемежаться репликами из постановки. А мимо зеркала в прихожей она проходила так, словно из него на нее смотрят зрители. Меня это сместило, ее моя реакция злила — что и говорить, мы были идеальной парой...

Но вот и Драма. Периферийные маршруты общественного транспорта всегда сходятся в центре. Я спрыгнул с троллейбуса и направился мимо театра в сторону «Метро». Подземки в нашем городе отродясь не было, и, наверное, вряд ли когда появится, а вот кафе, поди ж ты...

Здесь, на «бродвее», в любой день много народа, а сегодня тем более воскресенье. Я мог легко затеряться в толпе. Вот только этот плащ... и бейсболка... К черту их, чтоб не выглядеть идиотом. Дождя все равно уже нет.

Люди, конечно же, не обращали на меня внимания, но сам я чувствовал себя не в живой тарелке. Ощущалась какая-то оторванность от них всех. Будто вот они — живут, спешат по своим делам, суетятся, а я смотрю на это как-то со стороны. Будто нет меня вовсе. И, странное дело, все вокруг выглядело так, словно попал я сюда впервые. Это чепуха полнейшая, потому что за многие годы моими ногами исхожен здесь каждый сантиметр асфальта. Но вот казалось именно так, и что к чему — понимай, как хочешь...

Вход в кафе располагался на краю искусственной платформы, нависавшей над спуском к бульвару. Там, под платформой, и находилось кафе, внутренний антураж которого имитировал подземную станцию. Я бывал здесь пару раз, несколько лет назад, когда с Леной у нас все еще только начиналось. С тех пор подобные заведения мало меня привлекали, не было желания, да и вообще... не до этого как-то. Теперь здесь стало намного уютнее.

До двух оставалось совсем чуть-чуть, и я использовал это время на то, чтобы дождаться и занять один из самых удобных столиков, в углу. Если б не стены... С одной стороны здесь висела огромная картина с изображением чумазных метростроителей, а с другой — все пространство было разрисовано под тоннель. Там, в «глубине» рисунка, светились огни и создавалось реальное ощущение, будто вот-вот прямо на тебя выскочит поезд. Думаю, это можно отнести к хитрости организаторов заведения, желающих, чтобы посетители не особенно расслаблялись и не сильно задерживались.

Миловидная официантка моментально материализовалась рядом и предложила меню. Выглядела она так, точно только что из-за школьной парты и сегодня у нее первый рабочий день, сияла и боялась одновременно. Чего боялась — меня, что ли? Эх, девочка, девочка... Не придираюсь я и не скандалю. Что до другого... Слишком далеко то время, когда я не боролся с желанием хорошо провести вечер с такими, как ты. Хотя выглядишь ты в своей короткой униформе действительно вкусно. Есть, что беречь...

— Может, вы все-таки что-нибудь закажете? — спросила она растерянно.

— Да, конечно. На ваш вкус. Для двоих мужчин.

На кругленьком личике официантки отобразилось полное замешательство. Потом в ее глазах явственно прочиталось: «Господи! Он, наверное, сейчас догадается, что я не знаю, как это!» Она вымученно улыбнулась, чуть ли не шепотом произнесла «Хорошо» и поспешно отошла. Меню так и осталось у нее в руках. Черт меня дернул озадачить это юное создание! Чего стоило сделать заказ самому? Но ведь, с другой стороны, не все ли мне равно, что будет на столе. Не есть я сюда пришел, не есть...

Словно в подтверждение моих мыслей на верхней ступеньке эскалатора оказался Дима. Он спускался вниз и смотрел прямо на меня. Копия, моя точная копия! Еще малышом он умилял всех тем, что был очень похож на меня, а с годами это сходство только усиливалось. Судя по старым фотографиям, я в его годы был один к одному. И рост, и фигура, и даже прическа та же. Только глаза взял от матери — огромные, яркие. Одна из бывших подружек жены охарактеризовала его как-то: «Качественный ребенок!»

Еще только заметив сына, я вскочил с места. Одной рукой пришлось придержать едва не опрокинутый стул, а другой я нелепо взмахнул, словно крикнул зачем-то, что, мол, вот он я, здесь, будто он и без того этого не видел. Сердце в груди колотилось барабаном. От волнения меня даже повело куда-то в сторону. Опять эта чертова слабость! Я сделал шаг к столу и прислонился к нему бедром, чтоб не упасть...

А Димка уже и не смотрел в мою сторону вовсе. Сойдя с эскалатора, он вдруг повернул влево, подошел к одному из столиков и стал здороваться за руку

с теми, кто там сидел. Компания состояла из трех ребят и одной девушки, оттуда посылались шумные, радостные приветствия. Потом они о чем-то заговорили и неожиданно все дружно обернулись на меня... Сцена была короткой. Дима снова что-то сказал своим товарищам и только после этого, наконец, направился ко мне. В компании зашептались, заулыбались и показалось даже, кто-то из них засмеялся.

Как-то неуютно мне стало, совсем уж нехорошо. Я чувствовал, что на моей физиономии возникла совершенно глупая улыбка, и ничего, совсем ничего не мог с этим поделать. Что он сказал им обо мне? Почему я чувствовал, что на меня посмотрели с презрением? И Дима... Он шел ко мне с таким видом, будто отработывал повинность, будто тащил за собой тяжеленную баржу. Так и казалось, что сейчас подойдет и скажет: «Привет. У меня мало времени. Давай, говори, что ты там хотел сказать, и я пойду».

Дима подошел и сказал:

— Привет. У меня мало времени... — и замялся.

Вот как? Истина всегда посередине?

— Надеюсь, то, зачем ты меня позвал, действительно важно.

Я заметил, своих слов он стеснялся, но и не сказать их, видимо, не смог.

— А я надеялся, что ты подашь мне хотя бы руку.

Дима смутился еще больше. Он спрятал глаза и переступил с ноги на ногу. Напрасно я так сказал...

— Присаживайся, этот столик для нас.

Мы сели, я под «метростроителями», а Дима спиной к «тоннелю», то есть так, что вроде бы и не должны были смотреть друг на друга. Черт его знает, почему так вышло, но это только добавило отчужденности, с которой мой сын держался. Господи, как все трудно и сложно! Мысли бегали, каждая в своем направлении, их было много, разных, непонятных, смутных. К тому же голова еще кружилась, и я с трудом фокусировал взгляд даже на столовых приборах.

— У меня вправду мало времени, — забубнил Дима, ломая над столом тонкие пальцы. — Учебный год только начался, первый семестр... Ты должен понимать, это нелегко.

Я скрипнул зубами.

— Мама знает, что ты здесь, со мной?

— Причем тут... Я давно уже не ребенок!

— А раз так, что ж елозишь, как на горшке? Что ж ноешь, будто в угол поставили?

Дима опешил. Я и сам не ожидал от себя такого напора, но поведение сына не оставило мне выбора. Ведь еще немного и вопрос «зачем нужна была наша встреча» потерял бы всякий смысл вообще. В самом деле, что мне оставалось? Извиниться за впустую отнятое у очень занятого человека время и с понурой головой признать, что унижение — это та неизбежная кара, которую именно сейчас я должен понести? Поэтому я и вспылил, поэтому и продолжил атаку с прямоотой, доказывающей, что мне нечего терять. Уже. Совсем.

— Ты пытаешься выглядеть обиженным и ищешь поддержки в специально приглашенной на этот спектакль массовке. Зачем? Чтобы сорвать аплодисменты, которые тебе не нужны, или лишний раз напомнить человеку, который хотел стать твоим отцом, да так и не стал, что он, по твоему мнению, ничтожество? Прости, но твое согласие на эту встречу я по-другому объяснить не могу. И тогда она мне не нужна. Не нужна, понятно?

Сын смотрел на меня круглыми от удивления глазами. Казалось, он впервые видел меня таким. Впрочем, да. Таким с ним я был впервые.

— Чтоб ты вспомнил: когда я тебя звал, то не выкручивал руки и не молил о снисхождении. Увы, сейчас я не могу сказать определенно, зачем нам нужно было увидеться. Но я точно знаю, что это событие очень важно для нас обоих, что оно необходимо для нас!.. Нет, если хочешь, ты можешь встать и уйти, прямо сейчас. И не переживай, я все пойму правильно. Но тогда будь готов к тому, что спустя годы тебе точно придется об этом пожалеть. Готов? Иди...

Демонстрируя равнодушие к решению сына, я пожал плечами. Но равнодушным я далеко не был. И сын тоже — на его лице отражалась нешуточная борьба с самим собой. В какой-то момент мне показалось, что он сейчас действительно встанет, громко сдвинув стул, и жестким шагом уйдет. Однако этого не произошло. От меня не скрылся его быстрый и немного виноватый взгляд в сторону друзей. А потом, глядя в стол, он тихо сказал:

— Прости, я... Ребята тут ни при чем, забудь о них. Мне нелегко, повторяю. Мы слишком долго не виделись с тобой, чтобы вот так, сразу... Помоги мне понять, зачем мы встретились, и я останусь.

Моя рука произвольно легла на его руку.

— Давай просто поговорим?

Дима поднял голову и посмотрел на меня. В ту же секунду совсем рядом вдруг послышался возбужденный женский голос:

— Что ты можешь сказать? Ну вот что ты мне можешь сейчас сказать? Опять будешь оправдываться, давить на жалость, вспоминать какую-то чепуху из прошлого о том, как нам когда-то было хорошо? Неужели ты не понимаешь, что это глупо? Это не тронет меня ни в каком месте, потому что я уже другая! И не разомлею я уже, не растаю. Ты сделал все для того, чтобы мы стали чужими людьми. Давай лучше этот разговор закончим...

Дама за соседним столиком взволнованно рылась в сумочке, собираясь уйти, а мужчина, сидевший с ней рядом, пытался ее уговорить, жалобно озирался по сторонам и всем своим видом выражал готовность провалиться под землю. Я был ни жив ни мертв. Дима несколько раз перевел взгляд с этой пары на меня и обратно.

— Давай попробуем, — он мягко высвободил свою руку из-под моей.

В голове раздался хлопок. Поезд из «тоннеля», казалось, сейчас раздавит. Я даже увидел, как приближаются его огни, услышал, как на рельсах стучат колеса, и ощутил, как набирает силу ураганный поток воздуха впереди... Что-то повело меня в сторону, перед глазами поплыли круги, и как в замедленном фильме я наблюдал приближение к своему лицу крышки стола с расстеленной поверху салфеткой... В сознании мелькнуло: куда это я? почему я не могу ничего сделать? Потом все замерло. А потом, как будто бы издалека, я услышал:

— Что с тобой, п-папа?

Реальность вернулась не сразу, но на деле, похоже, прошел лишь миг. Я увидел лицо Димки, озабоченное донельзя, и его руку со стаканом. Поезд из «тоннеля» так и не показался. Вокруг раздавались обычные звуки, светились бра, суетился народ — жизнь шла своим чередом. Жизнь... Знает ли она, куда идет, наша жизнь? Ведь если она иногда останавливается, значит, и у ней с этим не все ладно...

— Тебе лучше, пап? Ты меня напугал.

— Ну, хоть напугал, — я улыбнулся как мог. — Теперь будет что обо мне вспомнить.

— Шуточки у тебя!

Димка демонстративно надулся. А я был еще слишком слаб, чтобы оправдываться. Он это видел и, решив смягчить ситуацию, добавил:

— Будто раньше мы не встречались, ага...

— А помнишь ли ты меня вообще? — чуть слышно спросил я. — Ну, тем... в твоём детстве. Мы ведь расстались, когда тебя еще в детский сад водили.

— Конечно, мне ведь шестой год шел уже! — с вызовом ответил Димка, но смутился своих слов и тут же решил отыгаться: — Можно подумать, ты про себя в этом возрасте ничего не помнишь!

— Петух...

— Что?

— Петуха помню, — сказал я. — У нас на игровой площадке в садике петух стоял, деревянный, цветастый такой, высотой с метр, наверное. У него сзади, со стороны хвоста, лесенка была, но можно было и так, с разбегу... Когда нас из «загона» выпускали, гонки начинались: кто первым на петуха взберется, тот вроде бы как победителем считается, главным, что ли. Каждый божий день битва была — не приведи Господь! Воспитатели с ума сходили.

Димка расплылся в улыбке от уха до уха. «Ну все, — подумалось мне, — есть контакт!»

— И как? — спросил он с блеском в глазах. — Тебе часто побеждать удавалось?

— Когда как. По-разному было... А еще я лабиринт помню. Зимой мы сами строили его на месте огорода из ледовых кирпичей, которые нам детсадовский дворник готовил. Сами планировали, укладывали, заливали... Он огромным, выше роста получался, и было страшно интересно как бы понарошку плутать в нем, будто ты попал в плен к Снежной королеве и не можешь выбраться. А воспитатели отслеживали нас сверху по головам.

— Здорово!

— Или, вот, фотографировали нас как-то, помню. Все хотели, а я почему-то — нет. Уговаривают, а я ни в какую. Снизолел только, когда пообещали арбуз дать полакомиться. Арбуз, кстати, тогда всем дали, представляешь? Обидно было — не передать! За что страдал, спрашивается?... А однажды нас кормили селедкой, которую надо было чистить сначала. Это такая хитрость была педагогическая, чтобы и покормить, и научить одновременно. Мучился я, мучился, а потом плюнул на это нудное дело и решил рыбку по-простому вилкой проткнуть. Размахнулся да ка-а-ак... А она возьми да выпрыгни из-под вилки аккурат в физиономию чью-то.

Димка приснул.

— Вот и я тогда тоже со всеми вместе в хохоте зашелся. Только зря радовался — влепили мне по самое не горюй. Ну еще и родителям досталось, а как же...

— А вам с мамой за меня когда-нибудь доставалось?

Он аж подался вперед, так его сжигал интерес. Димку было не узнать. Я и не видел его таким ни при одной встрече раньше. Сколько у нас их всего-то было — раз пять, не больше? Да и то, бог знает, когда уже. Он ведь тогда совсем мальцом еще был, ребенком. И, увы, обычное ребячество на этих встречах с его стороны как-то не проявлялось. Напротив, маленький человечек всегда был удивительно сдержан, серьезен, а порой даже суров. Сейчас же глаза моего сына пылали от любопытства, и, глядя на него, я испытывал наслаждение.

— Нет, ты спокойный был. Шухарил, конечно, как все дети, но так, чтобы на тебя жаловались, не припомню... Хотя нет, вру, был один случай, когда нам пришлось немного покраснеть. Но в итоге все закончилось благополучно... Разве мама тебе не рассказывала?

Дима замялся, а я пожалел, что спросил его об этом. Ну, конечно, если она и рассказывала, то слишком давно, чтобы он помнил. С годами, я знал, из памяти сына настойчиво и старательно стиралось все, что могло напомнить ему об отце...

Неловкая пауза завершилась самым удачным способом, который только можно было представить — к нашему столу подошла официантка. На этот раз ее мило-

видное личико выражало не только дежурную любезность, но и некую уверенность в себе. Но по поводу поступившего от меня заказа бывалые коллеги наверняка просветили ее. Но было в ее глазах и еще что-то. Она несколько раз посмотрела на Диму, залилась краской и, видно было, едва удерживала себя от того, чтобы не взглянуть на него снова. Когда она отошла, я вопросительно уставился на сына. Тот застенчиво улыбнулся.

— Да ерунда, не обращай внимания... Мы учились в одной школе, только она на два класса младше.

— Ну и что?

— Ну и ничего. Влюбилась, писала записки, следила, попадалась на пути, где и не ждешь, как будто бы случайно. Ну, ты знаешь этих девчонок. Я пару раз пытался поговорить с ней серьезно, чтоб отстала, да что толку... Стоит, смотрит, ресницами хлопает, а у самой все мысли о своем — это же поперек видно. Я думал, с выпуском все закончится, а оно, видишь, как... Сколько времени прошло, и, надо же, до сих пор встречается!

— Ерунда, говоришь? Говоришь, не обращай внимания?

— А что ты предлагаешь? Озадачиться этим? Да она мне на фиг не нужна. Вот еще! И вообще, у меня нет проблем с девушками, если ты об этом.

— Да ничего я не предлагаю. Просто подумалось, случайно ли она устроилась сюда на работу? Ты ведь, судя по всему, в этом кафе частенько бываешь. Может, для нее это единственный шанс быть поближе к тебе, видеть тебя и слышать. Любовь, она, знаешь ли...

— Глупо, — отрезал Дима.

— Ты считаешь, что любовь обязана быть без глупостей, всегда выверена, точна и правильно рассчитана на много ходов вперед?

— Я считаю, когда проигрываешь, необязательно вести себя как глупец.

— Сын, любовь — это не игра.

На мгновение он замер, пристально посмотрел на меня. По глазам видно было, что внутри его шла борьба противоречивых мыслей. И побеждал надо всем, похоже, характер. Тот, что был у одного из родителей, у одной из них...

— А, ну да. Проблема отцов и детей. Ты разговариваешь со мной, как с юнцом, который на деле знать не знает, о чем ведет речь, и должно пройти немалое время, чтобы он стал готов к нормальному осмыслению хоть чего-то. Думаешь, я еще слишком молод, не вижу, не слышу, не понимаю. Ну да, ну да, где уж мне... Зато ты у нас умный, как бог, ларец мудрости и неоспоримых в своей непогрешимости истин. Зато у тебя в жизни все верно и нравственно. Зато ты всегда поступал так, как только и надо было поступить... Что ты молчишь? Ну, скажи, просвети, попробуй. Поучи меня, несмышленного. Папа!

Я молчал. Слова сына прошлись по моему лицу, как пощечины, которые я заслуживал, и заставили опустить голову. Я должен был их услышать и должен был быть к ним готов. Наверное, я пришел сюда именно за ними. В том числе. В том числе...

Память высветила картинку из прошлого. Парк у набережной, летний вечер, скамейка. Рядом со мной сидит красивая девушка в легком платье, с небрежным венком в золотистых волосах. Она сплела его из ромашек, что были собраны мной здесь же недавно. Я только что признался ей в любви... Улыбка исчезла с ее лица, ее рука медленно выскользнула из моей. Не пытаюсь унять сердца, готового выпрыгнуть из груди от возбуждения, я не свожу с нее глаз и вдруг слышу голос, слова, словно оторванные от этого волшебного мира:

«Ты сказал, любишь? Зачем? Ты не сможешь. И я тоже вряд ли смогу».

«Почему?»

«Потому что у тебя это пройдет и забудется, а у меня уже прошло, но не забилось... Мне было дорог один человек. Сильно. Когда он был рядом, я в нем растворялась, а когда нет — мне не нужна была жизнь. Он знал об этом, но не мог ответить на мои чувства. Жалел меня, пытался вразумить, даже гнал. И пользовался мной, как хотел. А потом он уехал... Я любила его и ненавидела очень долго. И я помню его до сих пор... Ты не сможешь...»

Прошло полгода, и эта девушка стала моей женой. Еще через полгода у нас появился Димка. А спустя несколько лет мы расстались врагами...

— Прости, — сказал я, — я не собирался тебя учить.

Дима отвел взгляд в сторону.

— Учить человека должны учителя, родители и те, кому он не может не уступить дорогу. А я тебе кто? Так, что-то из детства, о чем собственных воспоминаний почти не осталось, а собственное мнение отсутствует вовсе. Все, что ты знаешь и думаешь обо мне — один в один мысли твоей мамы, а потому неизбежно, втоптанно, выложено в твоём подсознании мрамором. Пытаться взломать этот сейф без спроса — гиблое дело. Так что нравучений от меня не жди. И я за них даже не брался.

Некоторое время Дима еще выглядел обиженным, но мои слова что-то сдвинули в нем с привычного места. Тронулся вал, заскрипели колеса, дрогнули стрелки на циферблате уснувших часов.

— Если мои представления о тебе неверны, почему же ты не пытался рассказать о себе свою правду тогда, раньше, когда мы еще встречались?

— А кому бы от этого было лучше? Твоей маме? Глубоко сомневаюсь, ведь моя правда для нее — это ложь. И, значит, эффект был бы обратным. Тебе? Вряд ли. Оставаясь в здравом уме, разве можно ставить ребенка перед выбором, кому из родителей он должен верить! Или, может быть, мне? Но и здесь не выходит. Нельзя построить хороший дом, покупая лишь по кирпичу в год, развалится, да и сам выдохнешься. Об этом даже в детских сказках написано.

— По кирпичу в год... Что мешало тебе видеться со мной чаще?

Я тяжело вздохнул.

— Первое время я бегал к тебе почти каждый день. Домашнее общение было исключено, поэтому мы встречались только в детском саду. Я провожал тебя до подъезда... Понятное дело, каждый день — перебор, ведь я был на службе. Но, в любом случае, в дальнейшем так делать становилось все труднее и труднее. Почему-то все чаще оказывалось, что, когда я за тобой приходил, тебя уже забирала, причем не мама, а по ее просьбе соседка, и причем даже не в срок, а раньше. Это как нарочно делалось. Хотя перед тем говорилось «пожалуйста!» Доходило до того, что я вынужден был выпрашивать свои встречи с тобой чуть ли не на коленях, с мольбами.

— Я не знал об этом.

— Я тоже кое о чем не догадывался... В общем, общение наше сведено было к минимуму. Потом оно сократилось до одного раза в месяц, а потом постепенно вошло в некий график, включающий лишь твой день рождения и несколько других праздничных дней в году. Но через пару лет он сломался, потому что в этом оказались заинтересованы все стороны вместе.

— Как это?

— Каждый раз при встрече я слышал от тебя, какой я плохой... Представляешь, жду тебя с подарками и, например, с билетами в цирк, а тут такое! Это, конечно, были не твои слова, я понимал, и ты нередко прямо ссылался на маму, но слышать их от тебя, как занудную мелодию, да по нарастающей в силе, мне было уже невозможно. Наступил момент, когда я сказал себе: хватит. Сын вырастет, начнет соображать самостоятельно, тогда и... А пока я тоже имею право на жизнь!

Дима сидел не шелохнувшись.

— Как видишь, я оказался прав. Спусти столько лет, ты сам нашел меня по интернету, и мы начали с тобой общаться пусть не в полной мере, но хоть как-то по-человечески. Это вселяло надежду, что в будущем у нас будет только лучше, будет так, как и нужно. Да, теперь наши встречи тоже редки, но это начало. А тогда... Понимаешь, слишком тяжело мне было. Потерять ту, которую еще продолжал любить, и сына, которого когда-то сам у нее и выпросил... Не каждый день расстаешься с тем, кто тебе дорог, к этому невозможно привыкнуть.

— Что значит — «выпросил»?

— Да то и значит. Не хотела она детей. Даже когда узнала, что беременна, не хотела...

— Ты врешь!

— А тебе пора идти.

Дима вскочил на ноги...

Я не смотрел на него. Пусть уходит. Раз вру. Значит, не то время, чтобы говорить ему правду. Даже если эта правда со стороны кому-то покажется жалкой и низкой. Она — эта правда — единственное, чем я могу ему объяснить свое тогдашнее поведение, свою боль, свою глупость. Да, именно глупость. Ту глупость, о которой как раз только что мы с ним говорили, и без которой часто, очень часто не бывает любви... Обо всем другом он не должен знать. Все другое для него пусть останется тайной. Пусть думает, как знает. Как там обычно говорят? Не сошлись характерами...

«Сергей, я больше так не могу. Нам нужно расстаться... Мне не нужны твои чувства, не нужны! Я говорила об этом не раз с самого начала. А ты не слушал меня, давил, хитрил, настоял на своем и испортил нам жизнь, обоим. И портишь ее до сих пор! Мне надоели твои претензии на взаимность, я уже не хочу тебя видеть, я ненавижу твое «успокойся, все будет хорошо!» О, боже, какие же мы дуры, бабы! Зачем нужна была эта свадьба, это подобие семьи, эта иллюзия счастья, если все эти годы я думала не о тебе? Ты ведь знал об этом! Да, у нас прекрасный ребенок, и я его очень люблю, но его не должно было быть. И не было бы, если б ты не согласился назвать его Димой... И ничего бы этого не было!!! Оставь меня в покое, Сергей. Уйди! Ты мне противен, мне душно с тобой таким, понимаешь?..»

Кто-то коснулся моей руки.

— Папа, дай мне время, и я постараюсь тебя понять.

Он остался! Он не ушел... Я посмотрел на Димку и улыбнулся.

— Да, да, конечно. Уверен, у тебя это получится.

Только сейчас я обратил внимание, что наш обед так и оставался нетронутым. Горячее давно уже безбожно остыло, а пиво, напротив, нагрелось наверняка. Лишь салаты играли красками и призывно напоминали о себе свежестью зелени. Но мне лично есть совсем не хотелось, а Димка... Он перехватил мой взгляд, и мы оба неожиданно и одновременно рассмеялись. А когда угомонились, он сказал:

— Самое смешное, что мне на самом деле пора. У меня куча дел и планов, о которых я не могу забыть. Прости, но я должен идти.

— Нет, это ты меня прости, сын. Тебе нужно знать, у меня сейчас только один план — попросить у тебя прощения. Не поверишь, я понял, что должен сделать именно так, только сейчас. Кажется, для этого и понадобилось, чтобы мы друг друга увидели. Я ведь и правда не знал, зачем тебя позвал... Прости. За прошлое. И за будущее тоже. За все то, что я тебе не дал и дать уже не смогу.

— Скажи, почему именно сегодня? Ну вот такая наша встреча, за столько лет.

— Не знаю, — я пожал плечами. — Наверное, потому, что сегодня воскресенье...

Дима улыбнулся. Он поднялся, шагнул было от стола, но замер и вновь повернулся ко мне.

— А что это за история, когда вам с мамой пришлось за меня краснеть? Ты так и не рассказал.

— Да... У вас в садике как-то делали капитальный ремонт, и понадобилось разрисовать коридор на мотивы русских сказок. Как обычно, родителей привлекали со всех сторон. Кошелек нашей семьи не страдал, так как все знали — рисовать должен я. Этого и ждали... Только не ждали, что ты опередишь. Во время тихого часа, когда воспитатели тоже дремали, ты измалевал весь коридор по полной. Как потом признался, чтобы помочь папе. Там такое было!.. Не переживай, я тогда все исправил. И смеху было больше, чем стыда.

— Так ты художник?!

— А ты не знал?

Димка изумленно поводит головой и медленно стал отступать назад. Когда ремень его сумки съехал с плеча, он даже не шелохнулся. Почти на ощупь он встал на эскалатор и все время, пока поднимался, не сводил с меня глаз. Пока не исчез...

Я огляделся. Народ прибывал, но соседний столик был пуст — на нем громоздился яркий флажок «Заказано». Друзей моего сына давно сменила другая компания. Поезд в «тоннеле» уходил в темноту...

На мой сигнал подошла официантка, та самая, Димкина «тень». Все, что было на ее лице, читалось без переводчика. Напряженный и сдержанный взгляд в мою сторону, печальный и трогательный туда, где сидел мой сын... Я рассчитался.

Наверху меня встретил осенний ветер. Пепельная пелена застилала небо. В языческом танце ворохом и поодиночке кружились по платформе сухие листья. Хотелось куда-нибудь лечь и не двигаться. Совсем...

5

— Молодой человек, вы не можете?

Я обернулся. Пожилая женщина в сером пальто и цветастой косынке безуспешно пыталась сложить зонт, который порывом ветра заломило в обратную сторону. Показалось, я ее где-то видел... Да нет проблем! Я перехватил из ее рук непослушную конструкцию, сложил и вывернул полотно со спицами в нужную сторону. Зонт вернулся к хозяйке.

— Спасибо за комплимент.

— Вам спаси... — начала женщина и осеклась.

Она внимательно взгляделась в меня, так, как смотрят следователи или врачи, наверное. И отшатнулась. На ее лице мелькнуло нечто вроде испуга. Господи, да что ж во мне такого страшного? Я попробовал изобразить самую радушную улыбку, на которую был способен. Не помогло — на меня смотрели как на привидение.

— Что-то не так? — осторожно спросил я.

— Все не так, — сказала женщина. — Вас... Вам... Вы же сейчас совсем не здесь!

Мать честная! Больная, что ли?

— Вас не должно быть здесь! Это невозможно!

Она развернулась и быстро-быстро пошла, низко опустив голову и не оглядываясь. Теперь я узнал ее. Это была известная по уличной рекламе «провидица», которая за нехилую плату снимала с несчастных горожан порчи-сглазы, чистила им поврежденные кармы и творила с ними еще какую-то дребедень. Популярность

у ней была не акти, но, судя по отзывам, доверчивый народ в ее покоях не переводился... Точно, это была она!

Я досадливо сплунул и продолжил путь. Но корзина моих тревог и недоумений начала уже переполняться. Что испугало эту шарлатанку? Почему, по ее мнению, меня не должно было здесь быть? А где я должен быть? В Африке, что ли? С какого перепуга... И это — «вы же сейчас совсем не здесь» — что означало? Что меня и тут нет тоже? То есть я где-то все-таки должен быть, только, видите ли, не здесь, но при этом на самом деле меня нет и ни здесь, и ни там! Чушь какая-то. Хрень полная. Такое впечатление, будто она увидела не живого человека, а мертвеца. И ведь так натурально испугалась!

Мысли снова вернулись к Пашу. Не вполне владея собой, я достал телефон и начал было набирать его номер, но остановился. Мне стало боязно: а вдруг он скажет, что был уже в морге и молчит как раз потому, что снова видел меня там?! Что я ему на это скажу? И отец беседовал со мной так, словно мы повстречались уже не при жизни... А провидица эта, если у ней действительно есть какие-то там способности, значит, она в своем уме и не притворялась? Сын — ладно, он ничего не знал, но остальные! Может ли быть такое: все вокруг доказывают, что тебя нет, а ты есть? Бывало ли с кем? Есть ли разгадка?

Я громко выругался, и какая-то девица, шедшая рядом в том же направлении, отскочила от меня как от умалишенного. Пришлось ей улыбнуться. Без толку — беспокойно оглядываясь, девица лишь припустила вперед. Я устало рухнул на ближайшую скамейку. Шедший вслед девице мужчина опасливо покосился в мою сторону и, не сводя с меня глаз, описал вокруг скамьи замысловатую траекторию. Я демонстративно выпучил на него глаза. Он вздрогнул, прижал к себе портфель и прибавил шагу. Комедия!

Вместе с бессилием приходило равнодушие. Наступала апатия и просыпалась лень. Я ощущал состояние, при котором в голове мерно щелкал метроном, закрывались глаза, и тело валилось набок, как мешок с картошкой. В сознании мерцали образы, зовущие к покою — плеск волн у берега, легкий ветерок, пламя свечи и музыка. Она будто кралась где-то там, за ближайшим пригорком. Казалось, загляни туда, а она уже за другим! Мягкая, плавная...

Кто-то тронул меня за плечо.

— Эй, приятель, ты в порядке?

Я открыл глаза и увидел перед собой компанию молодых людей. Один из них, с фотоаппаратом, стоял возле меня, остальные дурачились рядом и уже немного ушли вперед.

— А-а, так ты просто уснул? Извини, но у тебя такой вид, что... Или все-таки что-то случилось?

— Случилось, — сказал я.

— Не грусти, все будет путем! Давай-ка я тебя развеселю. Умрешь со смеху, точно!

Он поднял фотоаппарат, что-то вроде «поляроида», какие были в ходу несколько лет назад, и навел его на меня. Послышалось жужжание. Парень вынул из аппарата карточку, с улыбкой взглянул на нее. И мгновенно изменился в лице.

— Ну, ты что там застрял? — крикнула девушка, поотставшая от их компании. — Догоняй!

— Сейчас, — озадаченно пробормотал парень и взглянул на меня. — Ничего не понимаю...

Он еще пару раз перевел взгляд с меня на снимок и обратно, а потом бросил его в сторону урны и, недоуменно оглядываясь, зашагал к друзьям. Подчиняясь порыву ветра, карточка спланировала мне под ноги. Я нагнулся, поднял ее и перевернул.

Ничего особенного на ней не было, и ничего смешного тоже: высокая кованная ограда, перед ней деревья и листья, перед ними скамейка, а на скамейке — никого...

Я встал и пошел, куда велят ноги. В голове было пусто как никогда. Люди вежливо сторонились, обходили, но я их почти не замечал. Время для меня остановилось. Улица, здания, автомобили — все это выглядело так, словно было одинаковым, статичным и вечным. Я снова, как в детстве, был в ледяном лабиринте, где стены непреодолимы, пути неизбежны, а выход неинтересен до безразличия.

Вспомнился давний товарищ. Он как-то сильно повздорил с женой, долго пытался найти компромисс, да так и не смог этого сделать — перед ним оказалась стена. В сердцах он вышел из дома и побрел вперед. Просто шел по тротуару и все, не считаясь со временем. Спустил много часов он очнулся на другом конце города. Он прошел его весь, от края до края, и не заметил этого. «Понимаешь, — рассказывал он потом, — я ничего не видел и не слышал. И вокруг для меня ничего не существовало. Будто выпал куда-то, а жизнь понеслась дальше...»

Я смотрел вниз, на носки своих ботинок, которые в такт дыханию показывались то с одной, то с другой стороны. Куда я иду и зачем — не все ли равно, если идти теперь некуда? Если сошел ты с поезда, он уносится вдаль, и вернуться возможности нет. Если наделал ты глупостей столько и вел себя так, что сойти — это лучше, чем остаться. Если жил ты никак, не дарил ничего, и забудут тебя легко. Если — не здесь, уже там — ты был сер, как осеннее небо, и начала всех твоих дел пусты. Если там тебя уже даже не ждут...

— Осторожней, кретин! Смотри, куда прешь!

Толстенная девица с негодованием на ярко размалеванном лице возмущенно повела плечом, подобрала с тротуара выроненный мобильник, снова водрузила его к уху и, угрожающе покачивая мощным бедром, продолжила путь. Я проводил ее бессмысленным взглядом. Кто-то пихнул меня в бок, пытаюсь обойти с другой стороны. Кто-то хихикнул... Оглядевшись, я обнаружил, что стою посреди толпы, переходящей от пешеходного виадука к автобусной остановке. Пришлось отступить на газон.

Маленькое торнадо из сухих листьев оббежало вокруг меня и унеслось в направлении боковой улочки. Ничего себе! Оказывается, я в двух шагах от своей работы. Вон там, за поворотом, находится база, на которой я трудился кладовщиком уже лет пятнадцать. Но уж коли ноги привели меня в это место, не прогуляться ли мне в том направлении? Мысль понравилась и заставила улыбнуться. Получилось, подсознание само вело меня сюда, ведь свернуть раньше я мог где угодно! Что ж, раз так — вперед...

Расставшись с военной службой, я долго не находил себе места... Вообще-то служить мне нравилось. Как обычный контрактник я не имел никаких перспектив, но, несмотря на это, носил погоны с удовольствием. Форма мне шла, служба была не пыльной и денежной — что еще надо! И если б не безразличие, с которым я относился к делу и которое отвернуло от меня большинство сослуживцев, судьбу свою мне вряд ли бы вздумалось менять. А вот пришлось. Человек сам кузнец своих несчастий.

Удивительным образом тот момент совпал с развалом прежней семьи. Все тогда рушилось, падало, катилось под гору, осыпаясь лепестками несбывшихся надежд и незаконченных дел. Отходил я после этого очень долго и новую работу себе выбирал, как новую плаху. Пока не плюнул и не пошел туда, на что указал барабан, в совершенно случайное место. Склад тогда только организовывали, все было ново и неустроено, народ шел неохотно, денег платили мало. Но мне было все равно.

И как-то так вышло, что я здесь остался, мало того, застрял на годы. Пройдя через все перипетии становления и эволюции фирмы, я вроде бы как даже счи-

тался ее ветераном. За все это время складское хозяйство я изучил, как свои пять пальцев, и знал его едва ли не лучше всех. Коллективе меня выносил с трудом, но терпел, начальство, хоть и не жаловало, но ко мне привыкло. Друзей-товарищей на работе у меня так и не завелось, а лучшими собеседниками и свидетелями моих сумасбродств чаще всего были пакеты с корпусной мебелью, среди которых я чувствовал себя как дома.

По роду деятельности нам частенько приходилось общаться с оптовиками. Некоторым из них, торгашам с периферии, товар отправлялся по железной дороге. Именно на станции я и познакомился с Леной, которая, как и я, примерно за год до нашей встречи рассталась с тем, с кем была прежде. Постепенно редкие встречи сами собой переросли в дружбу, а потом в нечто большее, что привело нас к официальной регистрации отношений. С тех пор много воды утекло... Лена упорно и не раз пыталась убедить меня сменить место работы на более солидное и денежное, но я стоял на своем. Я не хотел ничего менять...

Сегодня был выходной, и склад не работал. Лишь в конторе должен был куковать дежурный диспетчер да в будке у входа охранники — спать и гонять чай. Интересно, дошло ли сюда известие о моем... приключении? Что там Паш сказал... Но вряд ли — срок малый, конец недели. Впрочем, могло быть по-всякому, и это меня подзадорило. Платон говорил: «И кроме того я никому ничего не должен». Так вот я тоже! В самом деле, что мешает мне сыграть в рулетку, если выигрыш позабавит, а проигрыш ничего не изменит? Я расправил плечи и бодрым шагом направился к проходной.

У охраны в будке на стене висел внушительный монитор с секторальным изображением территории базы, поступающим с внешних камер слежения. Но тех, кто приближается к шлагбауму, и без того хорошо видно из окна. Однако, пока я подходил, никто не шелохнулся. Все было так, будто ничего необычного не происходит. Ничего необычного и не происходило. Я убедился в этом сразу, когда заглянул в будку.

— Салют, компаньерос!

Один из охранников, дремавший на кушетке, приоткрыл глаз, тяжело вздохнул и повернулся на другой бок. Второй, тот, что бдел, лениво оторвался от кроссворда, прошелся туманным взором сквозь меня на монитор, снова уткнулся в газету и недовольно буркнул:

— Слушай, не шури. Идешь к своим шифоньерам, ну и иди, будь ласка. Не мешай серьезным людям серьезным делом заниматься.

Я усмехнулся и вышел. Здешний народ не в курсе! Значит ли это, что его не оповестили и Паш сказал мне о том, чего на самом деле не было? Или это доказывает, что я все-таки сплю, и все, что было до сих пор — это бред, странный плод моего воображения? Как стекающие часы Дали, например. А что, мысль! Что если после удара о булыжник в горпарке у меня просто поехала крыша, и лежу я сейчас вовсе не в морге и не дома на своем диване, а в какой-нибудь уютной палате под неусыпным надзором заботливой медсестрички?

Пребывая во власти почти истерического веселья, я добрался до нашей конторы и широко распахнул в нее дверь. Та-ак, чья у нас сегодня смена? Над столом диспетчера взметнулась голова Машки. А-а, так на выходной выпало страдать этой дурочке? Поделом бедняжке. Весь день сидеть, корпеть над уймой недельных отчетов и ждать возможных, а на деле редких до невозможности, звонков от контрагентов — это для нее наверняка высшая мера.

Машка пришла к нам лет пять назад после того, как закончила, смешно подумать, институт культуры. Человек с высшим образованием по «классу» библиотекведения, да на мебельный склад! Народ иронизировал над ней, кто во что

горазд, не зная границ. И я, конечно же, тоже. Правда, было все это в основном по первости. Потом, спустя время, ее как-то приняли. Но за глаза все равно крутили у виска пальцем. При этом подначек она будто бы не замечала, на шутки скромно улыбалась... Все как бы единогласно пришли к мнению, что у ней не все дома, и на этом успокоились. Что с такой взять?

У меня с ней были особые «отношения». С тех пор как несколько раз обнаружилось ее некоторое внимание к моей персоне, мне хватило совести сбавить обороты и вести себя в рамках приличия. Это не исключало моей солидарности с коллегами по работе по поводу ее умственных способностей, но нечто жалостливое я к ней испытывал, словно она была сестрой по несчастью. Возможно, сказывалось то, что и сам я держался в нашем коллективе особняком. Словом, у нас был негласный договор о невмешательстве...

Машка смотрела на меня во все глаза. Точнее, во все очки, потому что она была близорука. Помнится, я видел передачу про сурикатов, или еще там каких мангустов... в общем, было очень похоже. Едва сдерживая смех, я непринужденно подошел к столу, обвел рукой все вокруг и, как мне показалось, ехидно заметил:

— Трудимся? А дома голодный кот догрызает последний плинтус!

Машка как-то значительно моргнула, помолчала и ровно сказала:

— Здравствуй.

Не зная ее — подивиться ответу. Но я-то знал! Чего ждать от человека, который все время витает в облаках?

— Ладно, не напрягайся. Я заглянул просто так, на минуту. Мимо тут шел... Какие новости? Я ж в отпуске — ничего не знаю. Как у вас тут без меня?

Машка сняла очки, потом быстро надела обратно и взгляделась в меня так, словно изучала плоскодонку с микробами. Я обратил внимание на кончики ее пальцев — на полированной поверхности стола они дрожали мелкой, чуть заметной дрожью.

— Плохо, — сказала она.

— Что так?

— Я тебя не ждала.

Я насторожился. А она медленно поднялась, обошла стол и приблизилась ко мне так близко, что я даже различил под очками рисунок радужной оболочки ее глаз.

— Маш, ну хоть ты не морочь голову! Сегодня все, кто меня встречает, дают понять, что меня не ждут... Как думаешь, почему?

— Наверное, потому, что от тебя не падает тень?

Это было сказано в форме вопроса. Но как! В недоумении я оглянулся. Шла вторая половина дня, и все вокруг имело свое естественное невесомое продолжение в пространстве. За мной же ничего не было! Ни на полу, ни на стене — нигде, ни намека... Что-то оборвалось во мне внутри и покатилося мячиком. Я сделал произвольное движение, чтобы его остановить, но потерял направление. Кажется, никогда еще я не был в такой растерянности.

— Завтра твои похороны, и я думала увидеть тебя там.

— Постой... так разве... на работу все-таки сообщали?

— Вчера. В обед. Звонил твой друг.

— А как же охрана? Они ведь... как всегда...

— Сегодня другая смена.

Я нацупал позади себя спинку вертящегося кресла, развернул его и сел, как упал. Вот все и выяснилось, и встало на свои места, как прежде. Ну, конечно, вчерашние охранники, если и были в курсе, после суток утром мечтали только о том, чтобы поскорее оказаться дома, попрощались в минуту, и им просто в голову не пришло делиться со сменщиками грустным известием. К тому же, для них

моя персона слишком незначительна, чтобы тревожить память... Но как же сама Машка? Она-то почему спокойна?

— А как же ты? — спросил я.

— А никак. Я ведь дуручка, правда? Чего логичного от меня ожидать?

Это был прямой намек на пренебрежение, с которым я к ней всегда относился. Самое время было виновато потупить взор, попросить прощения и признать, что вел себя с ней по-хамски. Но в данный момент меня больше волновала персона собственная. Поэтому я лишь досадливо поморщился и взглянул на нее исподлобья, мол, ну ладно, прости, мол, с кем не бывает. А Машка вдруг улыбнулась.

— Ты чего?

— За все годы ты задал мне этот вопрос — «а как же ты» — в первый раз.

Она отвернулась, крепко зажмурила под очками глаза, потом снова открыла и, не глядя в мою сторону, выпалила:

— Чаю будешь? Я сейчас принесу.

И, не дождавшись ответа, выскочила из кабинета. Что это с ней? Очередной приступ загадочности? Как там «приключалось» у Алисы из Зазеркалья? Становится все страньше и страньше... Ну да бог с ней, с Машкой. Мне-то теперь что делать? Куда деваться со всеми своими стекающими циферблатами Дали? Отец говорил, должно прийти время, чтобы мы поняли то, что должны понять. Какое время? Сколько еще мне предстоит истязать себя вопросами, если конца краю им, одним и тем же, не видно, и ничего, совсем ничего не меняется! Но ведь должна же быть хоть какая-то тропинка к истине... Я оглядел кабинет.

Огромный копировальный аппарат громоздился в углу и сейчас был выключен. Одна из его передних панелей, изготовленная из толстого тонированного стекла, отсвечивала матовым пятном и туманно отображала то, что было напротив, как старое зеркало. Я встал перед ней и не увидел себя. Увидел кресло, на котором сидел только что, ну и остальное... А себя — нет. Пожалуй, это меня уже не удивило.

Возле двери на стене висела магнитная информационная доска. Обычно на ней скучно отмечались актуальные заказы, оба менеджера периодически стирали их и писали новые. Сейчас, ясное дело, доска была девственно чиста, но прямо посередине нее ярко-синим маркером кто-то из наших умников размашисто написал: «Читаешь это? Прочитал? Тогда вычеркни из своей жизни еще одно напрасно потраченное мгновение».

Я подошел к диспетчерскому столу. Компьютер, телефон, куча бумаг... Все было как обычно, буднично и неинтересно. Хотел уже отойти к диванчику для посетителей, но что-то меня остановило. Присмотрелся. Из-под квартального графика поставок товара выглядывал уголок листа с цветной печатью. Я осторожно выудил лист и вздрогнул — на нем была одна из самых известных фотографий древней статуи из Лувра, изображающая женщину с крыльями и без головы. Ника Самофракийская, кажется, так она называлась. Но не само изображение взволновало меня. Имя!

В голове от виска до виска пробежал маленький колокольчик. Осторожно, будто боясь спугнуть себя самого, я тронул компьютерную мышь, чтобы оживить экран монитора. В глазах зарябил калейдоскоп страниц с разноцветными таблицами. Не то, не то... Вот! Одна из самых дальних закладок обнаружила почтовый сервис. В нем было открыто входящее письмо с короткой и емкой фразой: «Не лгу. Я воскрес».

— Утром я не могла поверить, что разговаривала именно с тобой. Теперь я это знаю.

На голос я поднял голову и увидел хозяйку кабинета, замершую в двери с маленьким подносом в руках.

— Машка? Так это... была ты???

Девушка короткими шагами прошла в гостевую зону, поставила на столик поднос, присела и слабо улыбулась. Я будто увидел ее впервые. Машка, наша тихая и незаметная достопримечательность, которую все считали человеком не от мира сего, выглядела так, точно только что сошла с обложки самого предвзятого к женской привлекательности журнала! Нет сомнений, выйдя из кабинета, она привела себя в порядок, но как же разительно было отличие того, к чему я привык, от того, что видел сейчас! Что происходит?

Пребывая в полном замешательстве, я не нашел ничего лучше, как задать самый глупый вопрос из миллиона возможных:

— Почему — Ника?

Она выпрямилась, плавно раскинула руки по спинке диванчика, мечтательно запрокинула голову и проникновенно прочла:

*Реет музыка в складках одежды легчайшей.
Недоступен для птицы полет твой великий,
О богиня триумфа, — сквозь время все дальше
Ты уносишься, Самофракийская Нике!
Хлещешь крыльями воздух и в вихре полета
Лавры славы несешь. Не хочу их немало.
Лишь тому я завидую, ради кого ты
Напрочь голову в дальних веках потеряла.*

Она улыбалась. Мое замешательство ее веселило, но видно было, что она была полна иронии и к самой себе. Так смеются взрослые дамы, когда иной раз балуются перед зеркалом, представляя себя какой-нибудь юной, наивной и романтической девочкой, и когда рядом нет свидетелей. На этот раз свидетель был, но это обстоятельство не имело никакого значения. Дама делала то, что хотела делать, и ей было все равно, что о ней подумают.

— Это тоже твои стихи? — мрачно спросил я.

— Нет. Это стихи одного польского поэта. Его нет уже. Давно.

— А те, что... ну, которые ты мне писала на почту?

— А вот те — мои. От начала и до конца.

Она встрепенулась, словно избавляясь от какой-то ненужной мысли, взъерошила прическу и бодро позвала:

— Ну что, чай-то пить будем? Присаживайся. Остынет же.

Пока я подходил и устраивался, она наполнила чашки. Потом вдруг замерла на мгновение, вопросительно взглянула на меня и сказала:

— Ой, наверное, напрасно я с ним... Ты же сейчас совсем не нуждаешься в этом.

Я медленно, будто просыпаясь, понял смысл ее слов. А ведь действительно, если учесть, что питался я последний раз дома перед тем, как отправиться в гараж, прошло уже почти двое суток! С тех пор я ни разу не ел и есть не хотел совершенно. На встрече с сыном в кафе запахи еды меня совсем не привлекли. И даже водка, которую в немалом количестве я выпил дома при Паше, не проняла меня ни с какого боку. Что сказать? Нормально...

Я осторожно отхлебнул из чашки. И ничего не почувствовал. Чай как чай... Маша проследила за выражением моего лица, но была спокойна. Поднесла свою чашку к губам, сделала маленький глоток... Выглянуло солнце и на столике отразились мелкие пятнышки-тени от листьев огромного фикуса, стоящего у окна в расписной кадке. Одно из пятнышек «запрыгнуло» мне на руку, и я непроизвольно попытался его стряхнуть. Маша приснула.

— Не понимаю, — сказал я. — К тебе пришел тот, кого уже нет, а ты вот так просто сидишь, угощаешь его чаем и держишь себя непринужденно, будто ничего не случилось!

— А что я могу сделать? — тихо спросила она, поставила свою чашку и посмотрела на меня. — Что я могу изменить?

— Не знаю... прогнать меня, убежать. Ведь это должно быть страшно! Нормальный человек от ужаса, наверное, сошел бы с ума.

— Нормальный человек...

Маша грустно улыбнулась, соединила кулачки вместе и опустила к ним взгляд.

— Ты же всегда считал меня ненормальной. Что тебя удивляет сейчас?

— Прости.

Я прикоснулся к ее плечу. Нужно было что-то сказать, но слова застряли в горле. А Маша вдруг наклонила голову и прижалась щекой к моей руке. Глаза были скрыты, я лишь чувствовал теплый бархат кожи и нежные касания волос.

— Я любила тебя...

Это было сказано чуть слышным шепотом, а показалось, меня оглушил крик. Голова Маши скользнула, тело подалось вперед. Я едва сообразил подложить руку — она мягко опустилась на мои колени. Лицом от меня, его я не видел. Волосы разметались, под ними выглядывал белый мрамор плеча. Где-то там, внутри, далеким огоньком пробивался стук сердца. Прилив тепла растопил оцепенение. Стараясь быть осторожным, я положил ладонь на талию девушки. Теперь, казалось, ее сердце было в моих руках. И она заговорила...

— Ты не знал об этом. Я влюбилась в тебя сразу, как только увидела в первый раз. Ты тогда зашел в приемную, резкий, серьезный. На тебе был серый комбинезон, из тех, что вам выдавали раньше, и кепка, свернутая под погончиком, как у военных. В руке какие-то бумаги, за ухом карандаш... А еще у тебя октябрятский значок на кармане пристегнут был. Над тобой все смеялись, помнишь, а ты все равно долго еще его носил. Как я его тогда заметила, странно, ведь в маминых очках была... Ты спросил, где найти старшего смены, кажется. Побурчал и вышел. А я только устраиваться пришла, сидела в углу, как мышка, ждала, когда пригласят. Увидела тебя, и что-то внутри как разлилось! Так необычно стало, радостно, светло!

Если честно, о том, что случилось, я поняла не сразу. Поняла, что случилось, а что — потом. Мы ведь все в детстве сказки читали про принцев там, золушек и прочую лабудень... ну, про любовь с первого взгляда. Читать читали, мечтали, пытались представить, но ведь, повзрослев, что такое на самом деле возможно, не верим. Ну, симпатия там, ну, интерес какой... А чувства, глубокие чувства, они ведь, по-нашему, должны как-то вырасти, расцвести, что ли, а не появиться из ниоткуда и вдруг. Только на мне не сработало это правило. Дошло, что творится со мной, через месяц где-то. Когда все уже передумала, когда перебрала все варианты, когда поняла, что если не увижу тебя сегодня, то завтрашний день мне уже не нужен...

С тех пор ничего не изменилось! И меньше не стало, и больше, как говорится, некуда. Это в первое время я пыталась не думать о тебе, забыть, отвлечься, искать в тебе недостатки и ужасаться им, даже увлечься другим — правда, ничего не помогло. Пришлось смириться и жить, как живу, считая себя счастливой уже только потому, что могу хоть изредка видеть тебя и слышать, беседуя с тобой в воображении, ласкаясь к тебе в мечтах, наслаждаясь тобой и радуясь вместе с тобой в снах. А когда нужно было уходить в отпуск или ты сам пропадал надолго, я жила прошлым. И будущим, представляя себе тех женщин, которые любили не легче, а выпали им испытания куда больней, чем мои. Что я могла, и что мне оставалось?

Если б ты не был женат, возможно, я бы дала о себе как-нибудь знать. Но вряд ли. От этого стало бы только хуже. Прошло столько лет, и я свыклась с мыслью —

счастье мое, вот такое однобокое, на том и держится, что ты о нем не догадываешься. Каково бы мне стало, если б услышала я от тебя слова, доказывающие, что ты ко мне равнодушен, или еще хуже, если б ты пожалел меня. Только представь! А так... стерпелось, и я привыкла. Даже когда ты надо мной смеялся вместе со всеми, принимала, как есть, и любила тебя. Ловила твой взгляд, слушала голос, украдкой старалась увидеть тебя лишний раз, писала стихи... и молчала...

Ты старше намного, у тебя своя жизнь, и для меня нет в ней места. Я ведь знала о тебе очень много, а что не знала — догадывалась, чувствовала. И про сына, и про отца, и про нелады в личном, и про душевный надлом, который мучил тебя давно... И про то, как ты здорово рисуешь, между прочим, тоже. Помнишь, ты в шутку нарисовал на меня карикатуру? Все смеялись, а я сохранила ее, люблюсь... Теперь тебя не стало. Но что для меня изменилось? Ведь ты — в моем сердце, не ближе, не дальше, как был. Вот почему я не испугалась, когда ты пришел. Разве что, видишь, призналась во всем... Ты прав. Разве может быть нормальным человеком такая, как я!

— Зачем... — спросил я, и мой голос сорвался от хрипа. — Зачем ты пришла работать сюда?

— Папа погиб, мама одна, младший братишка — инвалид с детства. Я не могла оставаться с тем, что получала в библиотеке... Не будем о грустном.

Маша поднялась, и наши взгляды встретились. Я смотрел на нее и дивился. Несмотря на все, что было сейчас, как же она была хороша! В глазах девушки, вначале будто сонных, разгорался необычный огонь. Слегка примятое лицо ее быстро наливалось румянцем. С полуоткрытых губ горячей волной слетало глубокое дыхание. А донельзя растрепанные волосы придавали вид отчаянной шаманки. Такой я ее никогда не видел.

— Что, страшная? — улыбнувшись, спросила она.

— Что случилось с тобой?

— Я первой спросила!

— Ты так красива...

Какое-то время с той же улыбкой Маша внимательно смотрела на меня. Потом шумно выдохнула, разметав с лица волосы, и потеряла ладонями щеки.

— Ну что ж, вот мы и поговорили, — она повернулась к столику. — А чай остыл...

Я вскочил и нервно заходил по комнате. Неправильно, все это неправильно! Так не должно быть, не так быть должно! Я не мертв, я жив, жив, я вот он! Это просто безумие! И все, что было раньше, мне просто показалось, приснилось, привиделось лишь! Машка, девочка, она любила меня столько лет и любит, а я не знал об этом, смеялся над ней, обижал! Но теперь же можно все изменить, можно остановить, исправить! Нужно срочно что-то сделать! Сделать! Что???

— Уже ничего не изменить, Сережа.

Я резко обернулся. Маша стояла возле меня.

— Не изменить, — тихо повторила она.

— А что с тобой будет дальше?

— Дальше?

Казалось, она была невозмутима. Взглянуть со стороны, так полный покой. Но я видел, видел, что с ней происходит! Фигура ее становилась какой-то угловатой, невнятной. Пальцы, машинально поглаживающие хвостик ремешка на талии, чуть вздрагивали, потом судорожно сжимали его и тут же обреченно затихали. В горле застыло невидимое рыдание. На глаза надвигался туман. А губы, припухшие будущими слезами, выдавали чувство безысходности. Они словно боролись за свою жизнь, жестко спаиваясь в скорбную черту, но уже

через мгновение, обессиленные, приоткрывались и умирали на ее лице бледной измученной рыбкой, выбранной на песок.

— Дальше... Сейчас ты уйдешь, а я останусь. И буду твердой, как камень, глотая остывший чай... Пройдет время — сменю работу. Наверное, выйду замуж. Потом... не знаю. Потом уже буду не я... А завтра на твоей могиле я выплачу все слезы, что у меня еще есть.

Порох этих прерывистых, трудно дающихся слов той, что смогла их произнести, опалил меня. Я обнял ее и прижал к себе, будто пытаюсь не сделать ей легче, а спасти самого себя от боли, которая давила мне грудь тяжелым катком. Хрупкое тело девушки безвольно подалось навстречу. Но стон ее, волосы, в которые я уткнулся лицом, запах кожи лишь добавили в этот костер огня.

— Прости меня, Маша! За все, за все, слышишь? Прости, пожалуйста! Мне это нужно, тебе тоже, пойми! Я был не прав, был дик с тобой, мерзок. Я вел себя так, как не должен. Прости! Пожалуйста! Ты это сможешь! Иначе нельзя! Иначе зачем это все, Маш?

Она дождалась, когда я затих, и медленно отстранилась. На губах — вымученная улыбка. В уголках глаз — застывшие капельки слезинок. Дрожащие пальцы соскользнули с моей груди.

— Ну вот... Теперь ты знаешь, зачем сюда приходил.

И она отвернулась.

А я сделал шаг назад, потом еще один и еще... Потом вышел на улицу и направился к проходной, не оглядываясь на окна. Я знал, мне вслед она не смотрела.

6

Покидая территорию базы, я оглянулся лишь раз, уже у шлагбаума. Много лет подряд почти каждое утро я сюда приходил, работал, можно сказать жил. Здесь методично делалось дело и томилось скукой безделье, возникали и гасли конфликты, заводились знакомства и кипели страсти, будили новизной праздники и усыпляли однообразием будни... Я знал здесь все.

Стройным рядом высились склады, в которых нет места, где бы я ни бывал. Вон там, за крайним, контора, в одном из ее кабинетов — Маша. О чем думает она сейчас?

Я бросил взгляд на проходную. Один из охранников вышел на «мостик», зевнул и с наслаждением закурил. На меня он даже не взглянул. Прощайте... Я развернулся и пошел отсюда, спиной ощущая, что посетил это место в последний раз. Тоскливо, но что ж... Не я первый, не я последний. Нельзя прожить жизнь и не уйти когда-нибудь навсегда. Какими бы нитями нас не связывало привычное настоящее, наступает время — рвутся они. И то, что было только вчера, однажды становится прошлым, далеким прошлым, почти не твоим.

А Маша... она стала моим прошлым, так и не побывав в настоящем ни дня. Все это время она жила мной, но в себе. Занятый лишь собственными проблемами, я не знал, не видел ее и не чувствовал, хоть мы и были рядом. Как так? Сказать — мне не было до нее дела? Верно. Но почему? Ведь ее сердце стучало по мне, губы шептали мое имя, а душа каждый день дарила самые теплые чувства, о которых можно мечтать! Неужели такое должно быть неясным, тихим, бесследным, для нас незаметным?

Хочешь ты этого или нет, но рядом всегда есть кто-то, кто так же, как ты, умеет чувствовать, любить и страдать. Чья радость безмерна, и боль нестерпима, и пламя души полыхает вулканом, как и твое. Но, странное дело, проходим мы мимо —

сердце не вздрогнет, не появится мысль. Бываем черствы и бездушны? Да, но не то... Чужие мораль и вкусы нам не нужны, неинтересны? Конечно, но тоже не то...

А может, потому просто, что эти наши миры слишком далеко друг от друга? Как звезды в ясную ночь, в одинаково их окружающей тьме они тоже одинаковы и неразличимы. Отличны лишь те, что рядом, знакомы, нужны, или куда взглянул случайно, или те, что... как там у них бывает — взорвались. А свет остальных сквозь всю Вселенную бессилён крикнуть только тебе: «Посмотри на меня! Посмотри!...»

— Да пошел ты!

Меня оттолкнули. Я долго падал. А когда сообразил, что к чему, обидчика простыл след. Опять тротуар, идущие люди... Трава под рукой, и дождь...

— Вставай, милоч. Поднимайся. Давай-ка тебе помогу.

Хиленькая старушка, согнутая в три погибели, протягивала мне руки, предлагая взяться за них. Я встал.

— Спасибо, добрая душа. Справлюсь.

— Куда идти-то, знаешь?

— Знаю, — усмехнулся я, припомнив то, что услышал перед падением.

— Ну, с богом. Смотри только, не садись больше на землю. Ведь сыро!

И она отошла... Приближался вечер. Я отряхнул плащ и водрузил на голову бейсболку Паша. Пора было прекращать путешествия и возвращаться. А главное — куда? Хороший вопрос задала мне старушка...

Выбор, собственно, выглядел невеликим и содержал только один пункт. Мой дом. Нет, можно было еще пуститься во все тяжкие. А что? Прав на это, как ни смотри, у меня имеется хоть отбавляй, как ни у кого, да и деньги еще оставались. Но, во-первых, отсутствовало всякое желание, а, во-вторых, все остальные, необходимые для этого желания тоже. Есть мне не требовалось, от спиртного не было никакого прока, а женщины... пожалуй, с ними не вышло бы ничего занятного. Напротив, испортил бы настроение любой, а заодно и себе.

Был как-то случай, давний уже. Познакомился я однажды с симпатичной девушкой, не обремененной жесткими моральными принципами. Она училась на медика и жила с подругами в общежитии. Вместе с товарищем пришли мы в гости, девчонки накрыли стол... В конце программы полагался интим, но в моем исполнении он так и не состоялся. Выпив лишнего, я, по обыкновению, просто уснул, причем чуть ли не в самый интересный момент. С тех пор недоброжелателей у меня прибавилось...

Я вспомнил об этом уже в троллейбусе, расплылся в дурацкой улыбке и тут же поймал на себе хмурый взгляд. Пожилой мужчина в кожанке, стоявший рядом, смотрел на меня брезгливо и осуждающе одновременно. Он будто урезонивал меня и всем своим видом старался показать, как я омерзителен, низок и не вписываюсь в некие правила приличия. Ну вот почему? Может, попросить у него прощения? А за что? Не хватит ли на сегодня этих просьб, выворачивающих душу наизнанку!

Я просто отвернулся и стал смотреть в окно. На город, в котором прошла моя жизнь и который, я чувствовал, больше не увижу. Смотрел будто немое кино. Мимо в дождливой мгле проплывали автомобили, здания, люди... Все вокруг жило какой-то своей жизнью, далекой и мне уже малопонятной. Когда-то я был там, с ними, дышал тем же воздухом, пил ту же воду, ждал от солнца того же тепла... Теперь же это выглядело так, словно на сцене в разгаре пьеса, все внимание к ней, а я стою у дверей, у всех за спиной, в самом конце зала, вот-вот готовый шагнуть за портьеру и выйти отсюда...

Взгляд сфокусировался на оконном стекле. Снаружи в него врезались капли, немного замирали и начинали новый путь. Казалось, не было в этом ничего не-

обычного, но мне они виделись чем-то живым. Свободный полет, мечты и надежды, дела и заботы, вокруг суета, преграда, удивление, сожаление, боль. Хочется снова туда, обратно, но никак, никак, и нет сил оторваться. И вот уже тянет к низу, по чужим горемычным следам, сверху давят другие капли, и ветер толкает в спину. Через стекло я вижу их души насквозь — они угасают. Видят ли они меня?

Да, решение было принято верное. Путь в прежнее может быть бесконечен. За каждым его поворотом ты встретишься с тем, что волнует тебя. Оставалось только одно место, где меня ждали ответы. Теперь мне нужно домой! Казалось, только там, среди привычных стен и вещей, мне удастся прийти к истине, которая спряталась до поры до времени, которая и погнала меня, чтобы подготовиться к ней...

Да, я еду домой. Вот только перед этим кое-куда загляну. Это было не так, чтобы необходимо, но почему-то казалось важным...

Дождь усиливался, и когда я подходил к нашему гаражному кооперативу, пришлось месить грязь по полной программе. За все годы его существования никто так и не озаботился строительством нормального проезда, асфальт начинался внутри, ровно за воротами и ни сантиметром дальше. А до них от улицы была не дорога — настоящая рокада, которая могла оставить равнодушными лишь водителей армейских тягачей. Тем более в дождь. Поэтому, не доходя до ворот, я отогнул одному мне известный разрыв в ограждении и с наслаждением нырнул в него.

Народ в кооперативе почти отсутствовал. Оно и неудивительно, в такую-то погоду. К тому ж выходной день, да и вечер уже. Мужики наверняка сидят сейчас по хатам, пьют пиво и смотрят футбол, или лаются с женами, или, наоборот, милоются с ними, или проверяют уроки у шалопаев-детей. Те, кто по воскресеньям предпочитает культурную программу или посещение развлекательных мест, может быть, и за рулем, но вернуться они еще не скоро. Я останусь никем не замечен.

Завернув за угол предпоследнего ряда боксов, я замер. Для того чтобы пройти к своему гаражу, нужно было миновать другие, но ворота в один из них, причем соседний, были широко распахнуты. Из них лился яркий свет и гремела музыка, что-то из «древнего» металлического рока. И это был гараж Валерки. Финиш! Я прислонился к стене...

Наплевать на все и продолжить путь или уйти отсюда? Что мне делать? Как поступают в таких случаях люди? Что будет считаться правильным? Люди... О чем я? Таких случаев им не знать... Неожиданно перед глазами снова встал ледяной лабиринт из детства. Ты в проходе, по бокам недосыгаемые вершины, и вариантов движения два: или назад, откуда пришел, где все известно, или вперед, где дремлет сказочный злобный дракон. Он силен и опасен, он страшен, но он спит и не ждет тебя. В этих сказках выбора не было...

Пройдя вдоль противоположной, глухой стены боксов, я остановился прямо напротив раскрытых ворот.

Гараж у Валерки был знатный. С обеих сторон от «хаммера» оставалось еще расстояние, позволяющее впахнуть по мотоциклу с коляской. И с пулеметами это смотрелось бы гармонично. Вдоль стен — инструменты, запчасти, баллоны, резина... все, как у всех. В глубине располагался стеллаж, а возле него, в углу, не как у всех, узкая лестница наверх, в надстройку на крыше, где у этого цезаря был кабинет релаксации. Сейчас, похоже, он там и был — узкое оконце «скворечника» тоже светилось.

Я вошел в гараж, поморщился от оглушительного рычания из динамиков и стал подниматься по лестнице. Послышался звон стекла. Точно, он там. Ступив на последнюю ступеньку, я в этом убедился. Проход от лестницы загораживал комод, над ним висела груда ветоши, а дальше был топчан, на котором сидел хозяин. Опершись локтями и всем своим телом на колени, он в такт музыке мотал

из стороны в сторону низко опущенной головой. Одна рука безвольно болталась, а другая едва держала бутылку, задевающую с каждым качанием другие, пустые, лежащие рядом на полу. Помещение освещала голая лампа на потолке.

Я шагнул к центру.

— Тащишься?

Валерка дернул головой и помычал. Попытался что-то сказать, но безуспешно. Сам понял, что не вышло, и щелкнул языком, мол, такие дела...

— Давно я тебя в nirване не видел, — сказал я.

Валерка опять помычал и, с трудом изрекая членораздельную речь, недовольно рыкнул:

— Я никого не звал! Убью! Зарою! Пошли отсюда, скоты!

Клюнув в пол, он чуть не уронил себя с колен, а потом жалостливо добавил:

— Хреново мне, братцы...

— А братцев здесь нет, — сказал я. — Все в стойлах своих.

Валерка приподнял голову и взглянул на меня исподлобья. Ну и рожа у него была! Глаза, впрочем, до конца так и не открылись, но что-то осмысленное в них блеснуло. Он перевел тяжкое дыхание и произнес:

— Ты кто? Убогий, я сейчас встану и рвать тебя буду. Слышишь? Беги...

Я улыбнулся и просто сказал:

— Привет, Валера.

Медленно, очень медленно открывались у него глаза. В конце концов они открылись до такой степени, что дальше и открываться было уже некуда. Валерка заметно вздрогнул и стал заваливаться назад. Так, с прямой спиной и выпученными глазами он и рухнул в угол возле топчана, сильно стукнувшись головой о стенку. Другой бы убился, а этот... так и смотрел на меня лежа, как будто продолжая на топчане сидеть.

— Ты?!

— Ну как бы да. Решил вот проведать. Сам виноват, я ж шел не к тебе. Смотрю — открыто, дверь нараспашку. Что ж не зайти? А вдруг ты ждешь?

— Но ты же... Как же... Там же...

— Ну да, это я, — и протянул: — Ты не жда-а-ал...

Я шагнул вперед, присел на край топчана у ног Валерки. Он сжался.

— Серый, Серый, стой! Не надо!

— Ну почему? Уже поздно. Хочу.

Валерка зажмурился, помогал перед лицом рукой, а потом снова выпучил глаза. Лицо его обрело очень скорбное и очень жалобное выражение. Кажется, он стал соображать, но мысли его, отягощенные алкоголем, приняли особенное направление.

— Это... Это... — начал он торопливо. — Это не я. Я тебе расскажу. Откуда мне было знать, что ты упадешь на камень? Что он там лежит. Ты сам. Ты все сам! Я тут не при делах. Я только хотел поугадать, ты же знаешь. Ну, побазарить там, что почем... А ты вон оно как... Не я же! А скорую не вызвал — так прости. Зачем? Если все уже... Смотрю: всё, и кровяшка... Ну забыл я о скорой, испугался, прости. Все равно ж бесполезно было... Зато я... это... в районе людям сказал. Автобус завтра пригоним. И это... На похороны твои я отстегнул тоже. Как все. Да, как все. Ты не думай. Ты ж брат мне почти! Мы ж столько лет...

Боже, как это знакомо! Я непроизвольно взглянул на штаны Валерки — там, между ног, увеличивалось сырое пятно, а по полу растекалась лужа.

— Зачем ты пришел? Не надо. Не пугай, Серый. Все же нормально, по-людски. Я вот в церковь даже схожу. Веришь? Клянусь! Вот прямо завтра. И памятник тебе поставлю путевый. Не переживай, Серый. Живи там, у себя, спокойно...

— В общем, так, Валера, — сказал я, а он тотчас заткнулся. — Сейчас мы с тобой кое о чем договоримся, и я уйду. Хорошо?

Он быстро-быстро закивал, насколько позволяла это сделать голова, притиснутая к груди в углу между стеной и полом.

— Церковь — это, конечно, славно... Но мало. Слушай сюда. С завтрашнего дня ты просто перестанешь заниматься своими пакостными делами. Ты знаешь, о чем я... Ты больше не будешь красть, не будешь ни у кого вымогать денег, не будешь никого бить и распустишь свою гадкую банду. А если я снова узнаю о чем-нибудь подобном, тебя настигнет самая суровая кара. Как понял? Прием!

Последнее, про всеведение и казнь, конечно, было блефом, но подействовало удивительно. Валерка изобразил нечто, не оставляющее сомнений в искренней убежденности, что он солидарен с моими пожеланиями до самой последней фибры его нежнейшей души. Я потянулся и подал ему бутылку. Из жалости? Нет? Он припал к ней так, будто без нее задышался. В течение последующих нескольких секунд я слышал глубокие глотки, даже постанывания, доказывающие, что нет спасения, кроме как если избавиться от этой жажды. А потом он резко сник, обмяк, закрыл глаза и уснул вмиг, как выключился. Логичное завершение выхода примы, отдавшей сцене все имевшиеся чувства! Любопытно, что из этого он будет помнить завтра?

Я встал и направился вниз. Здесь больше нечего делать. Выключил музыку — хватит с нее. Вырубил свет и прикрыл ворота...

В моем гараже все было как прежде. Похоже, что в него никто и не заглядывал. Замок откликнулся так, словно соскучился, двери раскрылись так, словно обрели свободу. Внутри царили покой и нега. Здесь не было места спешке и время остановилось. Что меня сюда звало, я не смог бы сказать, но то обстоятельство, что вечером в пятницу именно отсюда я отправился по дороге к своей тайне, было определяющим. Мне нужно было здесь просто побывать, постоять, посмотреть, подышать, и всё. Я и стоял. Пока взгляд не упал на щит оргалита.

Странно порой ведут себя люди. Казалось бы, есть совершенно никчемные вещи. Но по балконам, кладовкам, сараям и гаражам хранятся они зачем-то годами. Вот и я с этим оргалитом... Триста лет назад приволок его сюда с улицы, потому что он... «плохо лежал». Зачем приволок — одному богу известно. С той поры чего только ни было, а щит этот неизменно составлял интерьер гаража, время от времени лишь меняя место дислокации. Употребить с пользой его можно было уже невероятное количество раз, но мне, как всегда, было лень.

Сейчас он выполнял сакральную миссию — загромождал собой стопку разноформатных листов ватмана с моими набросками прежних лет. Я отставил щит.

Рисовал я исключительно по настроению и без всяких правил, не имея в голове заранее ни сюжета, ни плана, ничего, и чем угодно. Потому и законченных работ почти не было. Последняя, крайняя в стопке, изображала залитый солнцем луг, посреди которого по колена в траве стояла девушка, вполоборота обернувшаяся к зрителю, словно ее позвали. В одной руке она держала маленький букетик только что собранных цветов, а другой слегка прикасалась к развевающимся локонам у виска. Вот выходила у меня эта пастораль, и всё, а что к чему — ответ отсутствовал.

Я начал ее рисовать лет десять назад, простым карандашом. Но тогда только трава и «выросла». Потом, чуть позже, появилась спина девушки, ее нижняя часть и ноги. Был еще третий серьезный заход, когда рисунок обрел хоть какую-то стройность, был одарен перспективой и обогатился деталями. Как раз в ту пору у нас с Леной случилась очередная размолвка, я уезжал на юга... А однажды он попался на глаза жене Паша, Вере — они тогда хранили у меня в гараже картошку.

— Серега, ты негодяй, — сказала она. — Забросить такое... Это же прелесть!

После того дня эпизодически я пытался закончить рисунок не раз и, в своих глазах, довел «эту прелесть» до совершенства. Но все упиралось в лицо — что я ни делал, не выходило оно и всё тут, хоть тресни! Ну никак не выходило. То

уродливым было, то слишком смазливим, а то и вовсе, смешно, получался я сам. Бытался даже Веру нарисовать или мать Димки и Лёну... Она, кстати, узнав об этом, рассмеялась и заявила, что наконец-то от моей мазни выйдет толк, ибо этим шедевром можно будет закрыть трубы в туалете.

Стена... Опять лабиринт... Я снова шел по нему в неизвестность, пытаюсь представить, что ждет меня там. Новые стены? Новые чувства? Новые краски, звуки и сны? Ответы? Вопросы? Как значительно ожидание, когда ты весь в нем! Что пройдено, то пройдено, назад пути нет. Но кто встретит тебя впереди? Друг или враг? Свой? Чужой? Кто протянет тебе руку навстречу и примет таким, как ты есть? Без цены. Уйдут тогда стены, и будет свободно. Ты взглянешь назад, ни о чем не жалея. И пусть горы ошибок у тебя за спиной, вместе со стеной их не станет...

Я очнулся, так как карандаш выпал из моей руки и шелкнул о ватман. А когда увидел рисунок, вскочил. С него на меня смотрела Маша! Это была ее фигура, ее пластика, ее прическа и ее лицо. Освещенная со всех сторон солнцем, едва касаясь рукой волос, она обернулась. Слегка отвлеченна, слегка удивлена. На губах чуть заметна доверчивая, но осторожная улыбка. В близоруких глазах, открытых настежь, взгляд как в пустоту сквозь меня... Я дотронулся до нее ладонью и зарычал. Потому что если б не зарычал, взорвался...

Способность думать и возможность дышать ровно вернулись ко мне не скоро. Оказалось, я стою у стены, упершись в нее лбом. Выпрямился, повернулся, огляделся. Рисунок лежал на верстаке. Что в нем было, отсюда я уже не видел. Хотелось сползти вдоль стены и сесть на пол. Плечи давило вниз, в голове все плыло. Усилием воли я заставил себя сделать шаг к воротам. Дальше было легче... Я закрыл гараж.

Дорога домой заняла вечность. Пока шел, я заново прожил всю жизнь.

Самый близкий человек в этом мире — мама, она склонилась. От нее пахнет вкусно и манит теплом.

— Сережка, смотри-ка! Сюда, вот сюда. Вот это вот — Мишка, а это вот — Мышка. Ты знаешь, они ведь такие друзья! Однажды Мишка споткнулся и ударился лапкой, и больно ему стало так сильно, что он даже заплакал. И слезки из глаз. А Мышка услышала и сразу же прибежала к нему на помощь. Она обняла лапку Мишки, поцеловала ее, вот так, стала гладить и приговаривать: «Лапка-лапка, ты не боли! Зачем ты болишь? Как будет Мишка доставать тобой мед? Он ведь такой вкусный!» Не болей, сынок, ладно?

Сестра. Она сидит рядом, нервно ерзает и щиплется взглядом:

— Вот ты остолеп! Я ж тебе говорю: Арктика сверху, а Антарктика снизу. Там — белые медведи, а там — пингвины. Что не понять? Верх и низ — компрене ву? Какой же ты тяжелый! Там ходят ногами, а там машут крыльями. Что? Зачем машут?? Серега, ты выведешь меня сейчас. Или запоминай, что я тебе говорю, или иди на фиг. Меня ждут, а я должна выпендриваться тут перед тобой, как рыба на сковородке — готова или не готова. Да готова я уже с тобой дальше некуда! Терпеть тебя не могу, бестолочь!

Отец. Он стойчески пропускает мимо ушей мое нытье, берется сам за ножовку и обволакивает мою руку своей, легко, крепко и как-то со всех сторон сразу.

— Нет. Не так. Зачем ты рвешь? На тебя страшно смотреть. Постой, успокойся. Давай-ка я тебе снова покажу. Смотри: раз-два, раз-два... Не надо давить, не надо напрягаться. Зубцы заточены специально так, чтоб плотно мягко шло и в ту и в другую сторону. Просто водишь, и всё. Ну, затупились, ну подточил... Рвать-то зачем? Спокойно, без нервов, и хватит надолго. Ты думаешь, все дело в мышцах? Все дело в привыке, сын. Не будешь знать «как» — и мышцы не помогут. И еще. Нет смысла страдать, если не знаешь, за что...

Димка. Мы идем из садика. Пытаясь сохранять равновесие, мальчуган осторожно шагает по высоченному, в его рост, бордюру и перепрыгивает проемы.

— Пап, посмотри, как я умею! Ты только держи меня за руку, ладно? Я не падаю! А вот Коська так не умеет, он хвастается только. И девчонок за волосы дергает... Пап, а к нам сегодня фокусник приходил. Он такие классные фокусы показывал! И секреты ихние потом рассказал. Я запомнил! Вот придем домой, я тебе покажу... Пап, а что такое дурдом? Это мама утром сказала. Я ее спросил, а она сказала узнать у тебя. Что ты это очень-очень хорошо знаешь... Пап, она сказала, что мы больше не будем жить вместе. А почему? А как же я?..

Его мать. Зима. Мы на кухне. Она стоит спиной ко мне у окна, смотрит на улицу, курит длинную тонкую сигаретку, выдыхая в мороз через форточку, и выглядит так, словно перед ней зрительный зал, а я смотрю на нее из-за кулис, как бы украдкой. Я наслаждаюсь ею...

— Ты достал меня уже своими чувствами, достал! Как ты не поймешь, что я в них не нуждаюсь? Ни в твоих, ни в чужих — заостряю внимание особо. Сергей, это эгоизм. Да-да, то, что ты делаешь, это чистый эгоизм и ничто другое. Почему человек, которого, якобы, любят, должен испытывать от этого неудобства? Ну хорошо, прости, не якобы... Почему другой человек, ну, тот, кто любит, не считается с его интересами, а давит, давит, давит, давит свое, будто только оно и важно? Ну не хочу я с тобой жить! Давай расстанемся по-хорошему?

Лена. Она сидит за столом, как начальник, и строго смотрит. А у окна на этот раз стою я.

— Сергей, так больше не может продолжаться. Сядь, давай поговорим. Неужели ты не видишь, что у нас с тобой все хуже и хуже? Я не могу до тебя достучаться, а ты совсем не идешь навстречу. Ты постоянно витаешь в каких-то там своих небесах и не замечаешь меня. У тебя своя жизнь, ты далеко. Я с тобой, но без тебя, Сергей. Разве так можно жить, скажи? Все люди, как люди, а ты... Ты какой-то... никакой. Ты серый! Понимаешь? Ну что ты уставился в это окно? Ты меня вообще слышишь или нет?

Это была она, Лена. Завернув за угол дома, я увидел ее у подъезда и шагнул в тень. Она разговаривала с Пашем, который, судя по всему, только что подъехал. Пальто, черная косынка... Разговор продолжался недолго. Паш махнул рукой на свою машину, явно предлагая помощь, чтобы отвезти домой. Но Лена отказалась. Она поблагодарила его, опустила голову и быстро пошла со двора в сторону улицы. Паш собрался было зайти в подъезд, но заметил меня. Я покинул укрытие.

В квартиру мы поднимались молча. А когда переступили порог и закрыли дверь, я сказал:

— Если ты не против, помоги мне сегодня еще раз.

Паш настороженно косился на меня.

— Нет, волноваться не стоит. Ничего серьезного для тебя... Только давай сначала поговорим о главном. Ты расслабься, расслабься. Пойдем в комнату.

В квартире с утра ничего не изменилось. Все было так, будто я только и вышел из нее, хотя, казалось, многое мне просто привиделось. Единственное, что выдавало чей-то визит — это банка с огурцами на столе в кухне и раскрытый фотоальбом на столе в гостиной. Но самое интересное оказалось не в этом. На полу у двери немым укором и ярким доказательством того, что сегодняшнее утро у меня все-таки было, стояла пустая тара из-под водки. Я вопросительно уставился на Паша.

— Вот-вот, — сказал он. — Она меня про нее и спросила. Пришлось соврать, что наливал твоему соседу-алкашу, мол, этот болезный заглядывал со своими соболезнованиями. А убрать бутылку, мол, просто забыл.

— Поверила?

— Да. Спросила вообще-то так, прицепом... Ее не это сейчас волнует.

— А тебя?

Я не сводил с него глаз, а Паш замялся, отвернулся, опустил плечи. Мой вопрос был неизбежен, он его ждал и, наверное, готовился к нему. Но сейчас сказал первое, о чем думал:

— Серега, я снова видел тебя там...

— Значит, сумел. Пустили.

— Это было непросто, поверь.

— Верю, чего уж... — сказал я и взглянул на него с надеждой. — Ошибка исключена?

Паш сморщил лицо и мотнул головой. И уселся за стол. Я опустился рядом.

— Я до сих пор под впечатлением, и не скажу, что оно из приятных. Стою, смотрю на тебя и ничего не понимаю, ни-че-го! Видел же тебя живым, вот как сейчас, уверен, что есть, во плоти и разуме, а тут ты же — и мертвый... Знаешь, что мне помогло? Просто заставил себя представить, что у тебя есть... нет... был уже брат-близнец. Ну, как там бывает? Когда один в один. Будто и не ты это вовсе лежишь. А так... — он махнул рукой. — Потому и звонить тебе не торопился. Не хотел избавляться от этой иллюзии.

— Спасибо тебе. И прости. Прости, что... — я замялся.

Паш положил свою руку на мою, слегка пожал.

— Ладно, не будем. Расскажи лучше, что делал. Ты ведь куда-то ходил?

Я тяжело вздохнул.

— Да. Ездил. Был у отца, с сыном встречался. На работу заскочил...

— На работу? — Паш изумился. — Но там ведь знают! Я же звонил!

— Знают, да не все, как оказалось. В общем, все нормально вышло. Нет повода для беспокойства.

— А сейчас откуда? У тебя все ботинки в грязи.

— С гаража. Представляешь, не планировал, а встретился там с Валеркой.

— Да ты что! Ну и что?

— Ничего. Пьян он, как велосипед с «восьмеркой». Думаю, проспитесь, ничего и не вспомнит.

— Ты его не... — Паш озабоченно сложил брови домиком.

— Все в порядке. Будет жить. Надеюсь, не так, как раньше.

Мы помолчали.

— Что отец? — спросил Паш, взглянув на фото в распахнутом альбоме.

— Плох, как обычно. Если б не Галина... По уму, так нужно, чтобы сестра его к себе забрала. У нее и дом огромный, и заработок не моему чета.

— Завтра утром они всей семьей приезжают. Лена сказала. Звонили.

Я взял альбом и пересел на диван. Паш повернулся ко мне.

— А ты чего хотел-то? Что я могу для тебя сделать, Сергей?

— Я сейчас скажу, а ты постарайся не удивиться. Мне нужно съездить обратно туда, в горпарк за Половинку. Понимаешь... Если не считать тебя, у меня сегодня были четыре встречи и каждая из них мне показалась знаковой, очень важной. Будто они были предопределены. И теперь кажется, что, когда я вернусь на ту поляну, все станет на свои места. Разрешится как-то...

— Мысль, — сказал Паш и задумался.

А я листал альбом и вспоминал, вспоминал, вспоминал... Вот мама, совсем молодая еще, в роддоме. Отец сфотографировал ее, показавшуюся ему в окне... Вот он сам, со мной на плечах, на какой-то праздничной демонстрации, держит меня за ноги и улыбается ярче солнца... Вот я, слегка подшофе, на рыбалке с Пашем и

всем его семейством — у них тогда был юбилей, и мы устроили славный пикник... Вот Димка, только-только научившийся ходить. Он жметса ко мне, показывая, как любит... Вот его мать, у фонтана, очень недовольная тем, что я ее фотографирую... Вот мы с Леной... Я захлопнул альбом.

— Поехали? — спросил я Паша.

Он без слов поднялся.

Перед выходом я обошел всю квартиру, словно делал это в последний раз. Почему-то хотелось еще раз на все посмотреть и все запомнить. Гостиная, спальная, кухня, ванная комната... За многие годы сколько всего здесь было хорошего и не очень, смешного и грустного, значительного и скучного, как каплепад в клеписидре... На кухне я водрузил пустую бутылку прямо на стол. А в ванной достал из держателя свою зубную щетку и переставил ее в другое отделение. Зачем все это? Кто ж знает... Мне показалось, что так нужно сделать, и всё. А еще написал записку с единственным словом: «Прости».

Когда мы вышли на улицу, солнце уже садилось. Ехали молча. Лишь в самом конце пути оба вдруг разговорились так, будто должны надолго расстаться. Мы смеялись, как дети, вспоминали всякую чушь, рассуждали на какие-то совершенно далекие темы... Опомнились уже в сумерках леса, обнаружив, что давно приехали и стоим. Я повернулся к Пашу.

— Не знаю, что будет дальше. Но этот день не прошел напрасно. И осталось только одно, что я должен сделать — попросить у тебя прощения... Помнишь, Вера заболела и на операцию ей срочно нужны были большие деньги? Ты искал их тогда где мог. А я сказал, что мне помочь нечем. Я соврал тогда тебе, Паш. Лена копила на новую квартиру и убила бы меня, если б узнала, что я снимаю деньги со счета. Я оказался малодушен. Прости. Ты сможешь, я знаю. А мне без этого — никак...

Паш просто улыбнулся, и всё. Стало легко.

— И еще. Там, в гараже, у меня остался рисунок... Ты увидишь его — он закончен. Прошу тебя, отвези его ко мне на работу, отдай одной девушке. Ее зовут Маша, ты знаешь ее.

Паш кивнул.

— Ну, пока?

Мы обнялись, и я вышел из машины. Положил на сиденье бейсболку, снял плащ. Паш тоже хотел выйти, но я его остановил. Дальше должна быть только моя история.

В свете фар, еще пробивающемся сквозь деревья, я снова шел по лесу туда, откуда появился утром. Казалось, ноги сами вели меня куда нужно. Я не чувствовал холода и не испытывал никаких проблем. Не было ни опасений, ни волнений, ни тревог. Поэтому, когда на пути вдруг возникли знакомые старик и мальчик, даже не вздрогнул. Я просто протянул им телефон и сказал «спасибо».

— Не за что, — отозвался старик, — ведь ты помог себе сам.

— В такой день решаются все дела, даже самые трудные. Вы были правы.

— Значит, успел...

Они исчезли в темноте, как и не были, а я пошел дальше. Перед глазами плыли картины сегодняшнего дня, лица тех, с кем встречался, слышались их голоса. Отец гладил меня по голове... Сын все спрашивал, спрашивал... Маша лежала у меня на коленях... Паш жал мне руку... Где-то там, в стороне, были мать Димки и Лена. Почему-то обе они молчали, стояли рядом, как сестры, и смотрели на меня... Так вот и брел, вместе с ними со всеми, прощаясь, любуясь, желая покоя и счастья... А когда вышел на знакомую поляну и увидел булыжник, все вокруг вспыхнуло и я потерял сознание.

Это была самая обыкновенная букашка. Она лежала на спине и делала настойчивые попытки перевернуться. Она неистово дрыгала тонкими кривыми ножками, рисуя ими замысловатый рисунок отчаяния. Время от времени одна из ножек касалась опоры, и тогда все тельце изгибалось в невероятном порыве. Но все было напрасно. Когда голова букашки, поворачивалась в мою сторону, казалось, она смотрит с укором. Уж не я ли виноват в ее бедах? Мне было жаль ее. Странные мысли, странные ощущения... Они убеждали меня в том, что эта самая букашка я и есть...

Мне тоже было трудно на нее смотреть. Перед глазами стояла какая-то пелена, и я никак не мог ее проморгать. Что может быть проще — провести по глазам рукой! Но по какой-то причине я этого не делал. Желания двигаться были далекими и тонули, как в сладостном сне, из которого не хочется возвращаться. Совсем.

Я снова взглянул на букашку. Она уже не двигалась. Сделала все, что смогла, и навсегда затихла. Я тоже сделал все, что смог и что было нужно. Я все успел. Пятница — хороший день!

Или все-таки сегодня было воскресенье?..

